

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПЕПЕЛ ПРОШЛОГО

Галина Владимировна Романова
Пепел прошлого
Серия «Детективы Галины
Романовой. Метод Женщины»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64424376
Пепел прошлого. Роман: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-119779-7*

Аннотация

Инга, рафинированная жена столичного бизнесмена, приревновала мужа к его помощнице Марго, устроила безобразный скандал в ресторане и сбежала за город, в старый дом своей тетки. Там она твердо решила свести счеты с жизнью, но забыла об этом, когда прямо на ее глазах произошло ужасное преступление – неизвестный ударил ножом женщину, выбежавшую из соседнего дома, и поджег его! Рискуя жизнью, Инга спасла незнакомку, но теперь ей самой угрожает смертельная опасность, ведь убийца мог ее видеть...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины

Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	62
Глава 6	80
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Галина Владимировна Романова Пепел прошлого *Роман*

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Романова Г. В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава 1

Ей самое время было умереть. Смысла в дальнейшем пребывании на этом свете она не видела. Особенно после того, что она натворила.

Или не она?

Горькое горе растянуло ее губы в страшную улыбку еще час назад. С того момента она застыла на ее лице, не исчезая. Это была скорее судорога, а не улыбка. Судорога острой боли, пробившей весь ее организм.

Может, ее парализовало в ту минуту? Может быть, может быть...

Странно, но сама мысль об этом несколько ее не напугала. Как не напугала перспектива сделаться беспомощной и никому не нужной. Она и так никому не нужна. И жить ей осталось всего ничего, каких-то пару часов. И умрет она частично парализованной или здоровой – неважно. Хотя нет. Для осуществления того, что она задумала, ей нужны силы – физические. Иначе никак. Иначе не получится.

На всякий случай она сжала и разжала кулаки. Пальцы прекрасно справились. Уже неплохо. Она влезла в карман длинного пальто, нащупала телефон, вытащила его и посмотрела на экран.

Ни одного сообщения. Ни одного пропущенного вызова. Могла бы не стараться и не ставить его на беззвучный режим.

Ее никто не хватился. Почему-то от этой мысли стало еще больнее. Инга плотнее запахнулась в пальто, зажмурилась и постаралась вернуть лицу серьезное выражение, но проклятый рот продолжал улыбаться.

— Здесь куда? — отвлек ее от тяжелых мыслей голос водителя такси.

Инга резко распахнула глаза, присмотрелась. В сгущающихся сумерках знакомая улица казалась чужой. Новенькие изгороди, красивые дома, высокие деревья. Проезжая часть огорожена бордюрным камнем. Да не было тут никогда такого! Полынь по пояс с крапивой по обочинам. Может, не там свернули?

— Да нет. Навигатор точно ведет, — ткнул пальцем в телефон водитель. — Ваша улица. Только номера дома не нахожу.

Она наконец узнала то место, где прошла ее молодость — по кривой березе, которую до сих пор никто не осмелился срубить.

— За березой налево. Там тупик. И мой дом, — отрывисто произнесла она, чувствуя странный спазм в горле.

На самом деле дом когда-то принадлежал ее тетке. У нее Инга жила два года, когда оканчивала школу, и после еще пять лет, пока заочно училась в Москве на экономиста. Потом уехала, вышла замуж и почти ей не звонила. Тетка заболела и умерла в одиночестве. На похороны Инга не попала. Ее слишком поздно нашли. Ни у кого не оказалось контактов. Приехала через пару месяцев, совершенно случайно

обнаружив в риелторской газете бесплатных объявлений заметку о продаже дома.

Приехала, а тут...

– Остановите у калитки, – попросила она.

Таксист послушно остановил машину. Инга расплатилась, вышла на улицу и задрала голову. Надо же, все тот же фонарь – с ржавым колпаком и тусклым светом. Помнится, дико скрипел на ветру, нагоняя на нее тоску в ненастье. Думала, таких уже и нет. Света от него – на два метра в радиусе. Палисадник, дорожка к крыльцу, сам дом – все тонуло в темноте.

И хорошо. Для того, что она задумала, прожекторов не надо. Даже легче будет шагнуть из одной темноты в другую. Красивый мир покинуть сложнее. Намного сложнее.

Идти на высоких каблуках по старой дорожке, выложенной речным камнем, было страшно неудобно. Она спотыкалась, скользила и без конца хваталась за ветки жасмина, чтобы не упасть. Наконец носы ее коротких сапожек уперлись в нижнюю ступеньку. Шершавые перила. Три ступеньки. Расшатанная притолока. Слева сверху за ней – ключи от двух замков. Оставила соседям, чтобы присматривали и зимой дом протапливали.

Ключи были на месте. Замки нашлись быстро и открылись без скрежета. Толкнув дверь, она вошла в узкий коридор. Пахло сушеной мятой и смородиновым листом. Здесь всегда так пахло, сколько она себя помнила. Два шага вперед. Еще

дверь. За ней тесная кухня. У входа всегда стояла табуретка. Старая, дубовая, прочная, неубиваемая. Тетка каждый год обновляла на ней краску, меняя цвета, и никогда не повторялась. Интересно, какого цвета табуретка теперь? Когда Инга приезжала сюда в последний раз, то даже не взглянула влево и не заметила.

Ничего не заметила. Все пропустила, даже творившееся прямо у нее под носом. Как в аквариуме жила. Создала себе превосходные условия, составляющей частью которых была забота о муже, и думала, что все всех устраивает. Раз ей хорошо, значит, и всем тоже. И главное – ему! А все не так, все было иначе, просто она не замечала. Или старалась не замечать. Верила – или старалась верить любому его вранью.

Истории, которыми он ее потчевал, были складными, да! Взгляды – чистыми, слова – искренними. Как могло случиться то, что случилось?!

Инга шагнула влево и тут же наткнулась на табуретку. Стоит все там же, надо же! Она осторожно опустилась на нее, привалилась спиной к стене и уставилась в темноту старой кухни. Очень было темно, очень. И она могла бы, да, могла включить свет – выключатель как раз над ее головой. Или хотя бы фонарик на мобильном. Но сама мысль о том, чтобы помочь себе, казалась ей противной.

Она не заслужила никакой помощи, ни посторонней, ни собственной. Она глупая, хотя считала себя очень умной и проницательной. И вот ее ум и проницательность поимела

парочка влюбленных, даже особенно не напрягаясь! Походя так, почти весело.

Эта сладкая парочка сегодня отмечала в одном из шикарных ресторанов пятилетие своих отношений. Были гости. Много гостей – нарядных, именитых. Они пили за первый юбилей красивых отношений возлюбленной пары. Звучали тосты, поздравления, подносились дары.

А она...

Она пряталась за колонной, сумасшедшими глазами смотрела на все это действо и силилась угадать: кто же из этих нарядных гостей позвонил ей час назад и вызвал ее сюда?

Может, та блондинка, что криво ухмылялась, аплодируя жарким обнимашкам возлюбленной пары? Ухмылялась и много пила.

Или тот сердитый усатый дядька, что не сводил глаз со счастливой избранницы? Он пожирал ее глазами, раздевал и мысленно проделывал с ней всякие грязные вещи. И злился, потому что этому не сбыться – тонкую талию обнимает чужая рука. Сильная мужская рука с обручальным кольцом на правом безымянном пальце.

И это кольцо на его палец надела она – Инга! Три года назад, когда они поженились!

Их браку три года. А отношениям со стройной рыжей девушкой – пять. Как так?! И это было первое, что она выкрикнула, выходя из-за колонны, где устала прятаться.

«Пять лет, Игорь? Серьезно? Как такое возможно?! Кому

из нас ты изменял в итоге? Ей или мне?»

В этот момент ей показалось, что она оглохла, так сделалось тихо в ресторанном зале. Где-то ложка упала на бетонный пол, и снова тишина. Потом зашуршал шепоток:

– Кто это?.. Кто?.. Жена?.. Да ладно!.. Игорь женат?.. Не на Марго?..

Под этот сдавленный шепот она стремительно пробиравась к центральному столу, где минуту назад под аплодисменты отцеловалась возлюбленная пара. Дошла. Остановилась. Глянула на Игоря.

Он не выглядел смущенным или виноватым, нет. Он выглядел удивленным. Ее появление его всего лишь удивило, не более. Он ровным голосом спросил:

– Что ты здесь делаешь?

Даже не назвав по имени!

– Я приехала помочь тебе, дорогой.

– Помочь? – Его девушка отчаянно заморгала, переводя взгляд с одного огромного пакета на другой.

Эти туго набитые черные мусорные мешки на сто пятьдесят литров каждый стояли у ног Инги.

– Помочь в чем? – повторила девушка удивительно красивым, мелодичным голосом.

– Помочь собраться, – процедила Инга сквозь зубы.

И за мгновение усеяла танцпол ресторанного зала тем, что было в пакетах – вещами ее любимого мужа. Она успела сорвать их с вешалок и запихать в мешки, когда получила вы-

зов на торжество. Вызов с комментариями...

Инга смотрела в непроглядную темень тесной кухни, но видела совсем другое.

Раздраженное лицо мужа, когда она разбросала его вещи по ресторану. Удивление и радость на лице девушки.

«Вот видишь, Игорек, а я тебе говорила...» – приблизительно так читалась ее радость.

С гостями все было более или менее понятно. Для них это стало еще одним развлечением на сегодняшний день. Ни одного сочувственного вздоха. Ни одного жалостливого взгляда. Она себя жалела. Они – нет. А потом Игорь попросил ее уйти. Не сделав ни единой попытки хотя бы извиниться, сказал, снова не назвав ее по имени:

– Тебе лучше уйти.

Она ушла. Поймала такси, потому что не могла сесть за руль в таком состоянии – не сумела бы отъехать со стоянки и пары метров. Села в чужую машину и попросила отвезти ее в соседний поселок, где когда-то прожила целых пять лет после того, как окончила школу. И до этого два.

И вот она здесь для того, чтобы умереть. А ведь совершенно не подготовлена! В петлю лезть однозначно не хочется. В ванную, чтобы вскрыть вены, не выйдет – для этого надо запустить газовую колонку, нагреть воды. Пока станет хлопотать, возможно, передумает, а она не имела права. Твердо решила: жить она не станет.

Инга чуть привстала, дотянулась до выключателя, щелк-

нула им. Тусклый свет маленькой лампочки под старым абажуром выхватил из темноты знакомую обстановку: стол у окна под яркой клеенкой. Три венских стула с растрескавшимся лаком. Старинный сервант с хорошей посудой – тетка любила красивый фарфор. Икона в углу. Большой холодильник, шнур от него валялся на полу – соседи отключили, она просила. Рядом с холодильником пустая раковина.

Все привычное и чужое. Не ее. И жизнь ее уже ей не принадлежит. Смысл у нее забрали сегодня.

Забрали...

Неожиданно всплывшее в сознании слово потащило за собой размышления. И вывод родился скоро.

Раз все так сложилось, что смысл жизни был украден, то пусть и жизнью ее кто-нибудь распорядится, не она сама. А где удобнее всего это сделать? А удобнее всего это сделать на дороге! Почти ночь, темно, накрапывает дождь. Если она выскочит на дорогу перед машиной, вряд ли водитель сумеет совершить маневр. А чтобы никого не подставлять, она напишет записку и положит ее в карман.

Все! Она решила.

Инга порылась в сумочке, нашла старый чек из супермаркета длиной сантиметров двадцать точно, перевернула его и карандашом для глаз сделала лаконичную запись: «Никого не виню, все сама решила и сделала». Расписалась и поставила дату. Свернула изнанкой внутрь, уставилась на ровные строчки и вспомнила.

Покупок в тот день было много. Они делали их с Игорем. Хватали все подряд, забивая тележку доверху. И хорошо было им, спокойно, весело. Ничто, как говорится, не предвещало. Набили четыре пакета. Вместе несли до машины. Ей он отдал те, что легче. Заботу тем самым проявил, сволочь! Дома на кухне вместе разбирали покупки, составляли меню на вечер субботы.

Тем счастливым днем была суббота. Последняя счастливая суббота в ее жизни.

Она выключила свет и вышла на улицу. Встала в пяточок света, который был очерчен старым фонарем, покрутила головой. Гул с автотрассы шел справа, туда она и повернула. На ее памяти на этом участке улицы стояло четыре старых дома. Бревенчатые срубы с резными наличниками, яркими цветами в палисаднике и раскидистыми яблонями вдоль низких оград. Сейчас на месте двух старых домов велась стройка, освещаемая со всех сторон яркими прожекторами. Их острые лучи доставали до поворота и до деревьев вдоль дороги. Было светло как днем. Третий дом стоял заколоченным. В четвертом, сразу в трех окнах, выходящих на дорогу, горел свет.

Сразу за этим домом дорога поворачивала влево, и через десять метров – съезд на автотрассу. Гул пронесившихся по трассе машин был почти оглушительным. Или это ей так казалось? Каждому грешнику легкий треск костра кажется ревом адского пламени. А она задумала грех!

Инга неожиданно остановилась, облокотилась об изгородь, нащарила в кармане посмертную записку и впервые засомневалась.

А почему, собственно? Зачем? Кого радовать? Этой вертлявой сучке с копной рыжих кудрей так запросто расчистить дорогу? Никто не настаивает на борьбе, но никто и не заставляет ее уходить. Чего она вдруг решила именно так?

Дверь крайнего бревенчатого дома с грохотом и страшным скрипом отлетела в сторону. По деревянным ступенькам кто-то быстро сбежал. И рванул дальше – к калитке. Это была женщина. Она торопилась, всхлипывала и без конца выкрикивала:

– Помогите кто-нибудь! Спасите...

Негромко – может, знала, что никого вокруг нет. Или опасность была ею преувеличена.

Но Инга, сама не понимая почему, оттолкнулась от изгороди и шагнула в тень.

Женщина выскочила за калитку, остановилась и закрутила головой.

Она была еще достаточно молодая и высокая. Запущенная стрижка на темных волосах. Широкие длинные джинсы. Инге показалось, что они не ее – она без конца их поддергивала на талии. И джемпер явно с чужого – мужского – плеча, а обуви нет вовсе. Молодая женщина стояла босиком на ледяном асфальте на прибитой мелким дождем пыли. Ни сумки при ней, ни телефона. Иначе она бы уже вызывала полицию.

– Помогите же кто-нибудь! – так же тихо и неубедительно воскликнула женщина и сделала пару шагов в сторону авто-страды.

Она не смогла уйти дальше. Следом за ней на дорогу выбежал мужчина. Рассмотреть его лицо Инге не удалось. Он был в черной крутке с капюшоном. Спортивные штаны плотно обтягивали крепкие, накаченные ноги. Высокие кожаные ботинки на шнуровке. Тупой нос левого вдруг с силой ударил сбежавшую босую женщину в область поясницы. Она громко застонала и упала на колени.

– Ты куда собралась, тварь?! – не заботясь о том, что их могут слышать, заорал мужчина. – Я что тебе сказал? Сидеть и ждать! А ты что?

– Я не хочу домой. Я устала. Я не хочу домой, – мелко затрясла головой стоявшая перед ним на коленях женщина. – Отпусти меня! Отпусти меня, пожалуйста! Отпусти!

Тот, кого она просила, умоляла, левой рукой схватил ее за волосы и резким движением поднял с коленей.

– Я велел тебе меня ждать! – просипел он и полез в правый карман черной куртки. – Я велел тебе меня ждать!

Дальше все произошло быстро и было таким ужасным и беспощадным, настолько не вязалось с реальностью, в которой Инга привыкла существовать, что она не помнила, как сползла в глубокую траншею, на краю которой балансировала несколько последних минут.

Может, эту яму подготовили для каких-то своих целей

строители, или хозяева заброшенного, заколоченного дома собирались здесь что-то сажать или возводить. Кто-то вырыл яму и забыл. Грунт размыло частыми дождями, края обвалились и заросли со временем высоким бурьяном. Но именно эта траншея спасла ей жизнь, с которой она еще десять минут назад с такой легкостью собиралась распрощаться.

На ее глазах только что произошло убийство! Самое настоящее, не театральное. Человек в черной куртке вытащил из правого кармана что-то узкое и блестящее и трижды этим ударил молодую женщину в бок, в спину и снова в бок. На первом ударе она вскрикнула болезненно и остро, на втором захрипела, на третьем он швырнул ее на землю, и она не издала ни звука.

– Тварь... – прошипел мужской голос. – Тварь...

Инга выглянула из траншеи. Сквозь густой засохший бурьян она отчетливо видела, как мужчина вытер длинное тонкое лезвие о штаны женщины. Потом толкнул ее правой ногой, переворачивая на спину, и пробормотал:

– Доигралась, тварь.

И исчез во дворе крайнего на этой части улицы дома. Инга утопала в рыхлой земле высокими каблуками белоснежных замшевых ботиночек, в которые вырядилась ради Игоря и его девки. Она не сводила глаз с неподвижного женского тела.

Он ее убил?! Он ее убил. Тремя ударами острого блестящего ножа. Кем ему приходилась эта женщина? Почему он

так с ней?

Игорь тоже, можно сказать, убил ее, но без ножа. И она же дышит! А дышать ей с каждой минутой хотелось все острее и все сильнее хотелось жить. К недавним мыслям о добровольном уходе она даже не думала возвращаться. Все, что ей сейчас было нужно, – выбраться из ямы и бегом вернуться в дом тетки. Включить отопление, согреть воду, залезть под горячий душ. Потом заварить ароматных трав, отщипнув несколько веточек от любого из дюжины сухих пучков, висевших под потолком в узком коридоре, залезть на теткин перину и уснуть мертвым сном. А утром...

Она не знала, что будет делать утром. Но точно знала, что будет жить.

Мужчина вернулся. Прошел мимо тела женщины, даже не взглянув на него, и снова достал что-то из кармана. Оказалось, брелок сигнализации. Машина моргнула фарами из посадок напротив дома. Он пошел к ней. Захлопали дверцы. Вернулся он быстро, с канистрой, и исчез с ней за изгородью. Вскоре со стороны дома потянуло дымом.

«Он его поджег», – поняла Инга и закусил губу, чтобы не заскулить.

Пусть бы он уже уехал. Пусть бы он уже исчез! Пусть бы она навсегда забыла о том, что видела. Просто забыла, и все! Как дурной сон, как кошмар наяву, который ей просто привиделся.

Он уехал, но не сразу.

Сквозь бурьян и затягивающий улицу дым Инга увидела, как он подхватил с земли женщину и потащил ее обратно во двор. «Он хочет избавиться от тела – сжечь его», – сообщила Инга и неожиданно заплакала. Не от страха и жалости к себе, утопающей дорогими каблуками в жирной земле. Она заплакала потому, что чудовище собиралось сжечь свою жертву заживо.

Инга могла поклясться на Библии, что слышала, как женщина громко застонала, когда он тащил ее в огонь.

Глава 2

– Игореша, чем занимаешься?

Мягкий голос Марго зазвучал в его телефоне слишком рано. Он глянул из-под ресниц на часы: девять пятнадцать. Черт побери эту Марго! Он уснул в четвертом часу. Имел полное право еще час поспать.

– Ау, милый! – мурлыкала она. – Ты слышишь?

– Слышу, – отозвался он хриплым со сна голосом.

– Спишь?

– Сплю.

– Вставай, соня! – тут же закапризничала Марго. – Нам через три часа нужно быть в гостях. Помнишь, у кого?

– Помню.

Игорь поморщился. Все эти штучки-дрючки Марго ему порядком поднадоели. Встречи с нужными людьми, ужины, обеды, вечеринки с непременными коктейлями и танцами – Игорь от всего этого устал. Пытался возмущаться, но Марго уверяла, что это нужно для дела. И возмущение его сразу прекращалось.

Дело для него – прежде всего. Его фирма, которую он создал с нуля, выходила на новый уровень, и это было важно.

Он начинал со старого письменного стола и скрученного изолентой факса – у него на тот момент даже компьютера не было. Всю информацию хранил в телефоне. И его стол стоял

в подвальном помещении, в каморке, которую он арендовал у одной знакомой из ЖЭКа. Там всегда было душно и жарко – через стену находилась бойлерная. И, обливаясь потом, он клялся себе: как только переберется из подвала в нормальное офисное помещение, первым делом поставит кондиционер. Первым делом! Но тогда надо было терпеть. Надо было оставаться в плюсе. Надо было работать, работать и работать. Но клятве своей он остался верен: как только переехал в офисное здание на окраине, лишенное практически всех удобств, сразу поставил себе кондиционер. У них тогда даже туалет был на улице, а кондиционер имелся, и Игорь мог позволить себе летом не потеть, а зимой не мерзнуть.

Господи, только вспомнить, через что ему пришлось пройти, взбираясь наверх! Не спать, бомж-пакет жрать, заваренный кипятком из термоса, рваные носки носить и потные рубашки. Пятнадцать лет! Пятнадцать лет беспрестанных трудов, лишений и экономии. К тридцати пяти годам он почти отчаялся разбогатеть и занять достойное положение среди уважаемых бизнесменов. У него опускались руки, накатывало полное безразличие, и именно тогда в его жизни появилась Марго.

– Ты пришла, чтобы спасти меня?! – вытаращился он пять лет назад на рыжую пигалицу, вставшую перед ним в позу в его пыльном кабинете с кондиционером. – Я не ослышался?!

– Нет. Я пришла, чтобы спасти тебя и твой бизнес, который загибается, – произнесла она с тем же напором, с кото-

рым начала, ввалившись в его кабинет.

Бизнес в самом деле загибался. Как раз в тот момент кредиторы алчно клацали зубами у самого его кадыка. Он уже готов был продать все свои активы, и тут эта рыжая!

– Кто ты вообще такая?

– Я – твоя мать Тереза, – совершенно серьезно заявила дохлая девица и нагло развалилась в пыльном кресле у окна. – Может, выслушаешь, прежде чем я уйду?

Он решил ее выслушать, поскольку у него было время. Нет, не так – у него была масса свободного времени, поскольку он практически банкрот.

– Я – Маргарита Иванова, – представилась она, когда он решил ее послушать. – Студентка лучшего университета нашего славного города. Учусь на экономиста, на пять с плюсом. Экстерном оканчиваю четвертый курс. В следующем году защищаюсь.

– Поздравляю. А ко мне на практику, что ли? – неуверенно улыбнулся Игорь и еще раз внимательно оглядел девчонку.

Она была худой до изнеможения. Бледная кожа на лице и длинной шее почти прозрачная, но темно-карие глаза горят невероятным огнем. И губы были алыми-алыми, хотя незаметно, чтобы она пользовалась помадой. Рыжие волосы закручивались короткими колечками над ушами и на макушке, затылок коротко выстрижен. Одета она была нелепо: огромные башмаки на шнурках почти до колена. Широкие корот-

кие штаны, как у клоуна, честное слово! Полосатый вязаный свитер с горлом.

– Я не на практику, – сурово одернула она его. – Я здесь, чтобы спасти твой бизнес. В общем, начну по порядку. Неделю назад я сдала курсовую на «отлично». Тема: как вытащить бизнес из болота и не пострадать. Не дословно, конечно.

– И? – Игорь пока ничего не понимал.

– В общем, курсовая имела успех, и мой куратор посоветовал мне идти в науку. Сказал, что у меня есть все шансы продолжить образование.

– Поздравляю, – он кисло улыбнулся.

– Но мой куратор не знает, что при таких зашкаливающих шансах у меня совсем нет денег на то, чтобы продолжать учебу, снимать квартиру, что-то есть и во что-то одеваться. Полгода назад я похоронила родителей. – Ее глаза заблестели, но голос остался ровным. – В общем, мой друг детства посоветовал применить на практике мои навыки, то есть запустить тему курсовой в жизнь.

Она ненадолго умолкла, детально изучая его кабинет. Он тоже молчал. Ему даже интересно не стало. Он просто убивал время, попутно фантазируя: а мог бы он заняться с ней любовью, если бы сильно захотел? Решил, что не смог бы. Девчонка была слишком худой, порывистой до нервозности, и еще – очень высокомерной, потому что очень умной. Таких он всегда сторонился.

Снова заговорила она минут через пять.

– Кондиционер – это здорово. Наверное, начинал в чудовищных условиях, раз при туалете на улице первым делом поставил кондиционер? – Ее яркие губы сложились в понимающую улыбку.

А он онемел от такой пронизательности. Сдать его ей никто не мог – он ни с кем своими клятвами не делился. Она догадалась, она просто догадалась! Или просчитала его.

– Но вот все остальное оставляет желать лучшего. Фирме надо съехать отсюда, и как можно скорее. Нужно снять другой офис, ближе к центру.

– На что?! – фыркнул он. – Я практически банкрот.

– Именно поэтому я здесь. – Она надменно глянула на его издававший виды письменный стол. – Я вытащу твой бизнес. Сделаю его прибыльным. Это будет мой дипломный проект. Я докажу тебе, себе, всем, что могу.

И он догадался.

– Который я по счету? – спросил он, прищурившись.

– Что? – Она едва заметно вздрогнула.

– Скольких бизнесменов ты посетила до меня? Который я по счету, Маргарита?

Ее бледное лицо сделалось пунцовым, когда она произнесла:

– Восьмой.

– Тебе не поверили? – немного подсластил он пилюлю.

– Меня послали почти все. Некоторые в грубой форме. –

Острый подбородок нацелился в его сторону. – Они недалековидные дураки! Это все, что я могу сказать. Имущество трех из них уже выставлено на аукцион. Чтобы они потеряли, доверившись мне?

– Как ты нас всех отыскала? Хотя, о чем это я! В Сети сейчас все освещается, вплоть до уставного капитала.

– Совершенно верно, – кивнула она. – Хорошо, что ты это понимаешь. Четверо из восьми решили, что я шпиюню на конкурентов.

Они снова помолчали, рассматривая друг друга.

– Если я даю добро, что ты хочешь взамен? Стать компаньоном?

– Именно. Других условий не приемлю, – кивком подтвердила Маргарита. – Только партнерство на взаимовыгодных условиях. И если ты согласен, оформляем все прямо сегодня. Документы готовы, они в папке. Останется только вписать название твоей фирмы и данные.

Она положила сухонькую ладошку на толстую папку, лежавшую у нее на коленях.

– Заверяем нотариально, и я приступаю...

Пять лет назад это было. Вчерашняя дата как раз ознаменовала собой первый юбилей их союза. Они сообща решили, что отметят это дело с шиком. Пригласят нужных людей – чем круче они разворачивались, тем их становилось все больше и больше.

Многих из них Игорь даже не знал. Достаточно было то-

го, что их знала Маргарита. Она давно уже отвечала за финансы, юридическую составляющую и связи с общественностью. Она искала новые пути развития и успешно претворяла в жизнь. О тех страшных, голодных годах Игорь почти не вспоминал.

У него была новая квартира в отличном районе, просторная, на хорошем этаже, с великолепным ремонтом и красивой мебелью. У него в семье было три машины – одна жены, две его. На все три машины в подземном паркинге были куплены места. Правда, Инга не всегда там парковалась. Ей было лень.

Кстати, Инга! Где она от него прячется, интересно? Дома не ночевала, не ответила, когда он позвонил ей, вернувшись домой под утро. Даже выключила его. Устроила вчера такую гадкую сцену с его вещами! Хорошо, сотрудники ресторана помогли в мгновение ока собрать все тряпки, конфуза почти не случилось. Через десять минут все пошло своим чередом: пили, ели, танцевали, веселились и попутно оговаривали условия новых перспективных контрактов. Ему было не до капризов жены. Он забылся. Да и Марго крутилась весь вечер перед глазами ярким огненным пятном. Ему, честно, было не до Инги!

Вернулся он под утро и сразу свалился в кровать, еле успев раздеться. Понял, что Инги на ее половине кровати нет, и набрал ее. Телефон был выключен.

– Да и черт с тобой! – фыркнул он и провалился в сон.

Разбудила Марго и сразу взяла его за жабры. Три часа на сборы не так уж и много, если учесть, что он после вчерашнего торжества еще не совсем пришел в себя. Надо в душ, потом что-то приготовить на завтрак, подобрать одежду.

Черт! Она же в пакетах в багажнике машины. Почти все его вещи!

– Идиотка! – проворчал Игорь, сползая с кровати, покоился на нетронутую подушку Инги и повторил: – Идиотка!

Он не стал ей больше звонить. Не до нее! Принял душ, спустился на лифте в паркинг и достал из багажника вещи. Когда дома вытряхнул все на пол, снова заругался – почти все в пыли, измято. Вот что устроила?! Зачем?! Не проще было позвонить, спросить: а что да как, Игорек? Все же неправильно поняла.

Или ей было выгодно понять именно так? Устроить истерику на глазах присутствующих – чем больше свидетелей, тем лучше, так? Потом нанять адвоката, подать на развод, затеять раздел имущества, разорвать его бизнес пополам. И когда? Именно тогда, когда дела идут в гору. И не просто идут, а взлетают! Может, все так, как говорит Марго? И дело вовсе не в ревности.

Ай, пусть думает как хочет! Ему некогда. В груди пыльных тряпок надо найти что-нибудь приличное для загородного отдыха с нужным человеком и сожрать уже хоть что-нибудь. Желудок сводило после вчерашней выпивки. Он пил немного, но дело в том, что пить ему нельзя было вовсе – застаре-

лый гастрит грозил перерасти в язву. Инга строго следила за тем, что он ест и пьет. Марго о его проблемах со здоровьем не догадывалась.

Она позвонила, когда он доедал рисовую кашу. Инга сварила ее вчера, до того, как устроила публичную истерику. Планировала скормить ему на ужин и исчезла куда-то.

– Да, Марго, – ответил он с набитым ртом.

– Ты готов? – она говорила, запыхавшись, словно бежала.

– Почти. Доедаю свой завтрак.

– Зачем? Там же будет стол. Барбекю и все такое.

Барбекю и все такое ему было категорически противопоказано, а также горячительное под кусок запеченного на углях мяса. Такими темпами он уже завтра к вечеру может оказаться на больничной койке с острым приступом.

– Предпочитаю завтракать дома, Марго, – ответил он уклончиво.

– Дома? А у тебя есть дом? – Она ядовито рассмеялась. – Если мне не изменяет память, вчера тебя оттуда выставили, недвусмысленно оповестив об этом публику.

– Мне плевать на бабские истерики, – спокойно отреагировал Игорь, встал и поставил тарелку из-под каши в раковину. – К тому же она не имеет права меня выставять из моей же собственной квартиры. Фарс, не более.

– Ну, ну... – Ее дыхание выровнялось. – И завтрак тебе жена подала?

– Жена не ночевала дома, – зачем-то признался Игорь и

тут же пожалел об этом.

Голос Марго наполнился азартным интересом, она ахнула:

– Да ладно! Твоя монахиня Инга не ночевала дома?

– Нет. – Игорь недовольно поморщился и открыл воду, чтобы вымыть тарелку.

– И где же она ночевала? Как объяснила?

– Никак. Ее телефон не отвечает.

Игорь выключил воду, поставил тарелку в сушку и отряхнул руки.

– Послушай... А может, она у подруг ночевала?

– Может быть. Я не звонил.

– Почему? Не волнуешься?

Он еще не успел начать волноваться, если честно. Пока он только был очень зол на жену. И подругам Инги, как он считал, звонить было преждевременно. К чему лишние разговоры?

– Она сто процентов ночевала в нашем загородном доме, – предположил он неуверенно, роясь в грудe измятых вещей.

– Так он же не достроен! – возмутилась Марго, которая неоднократно желала в их доме побывать. – Или ты мне соврал?

– Нет, не соврал.

Игорь закатил глаза. Перекрестные допросы то со стороны Инги, то со стороны Марго он не выносил. В такие моменты ему хотелось послать их обеих куда подальше.

Да, дом был достроен, но с отделкой они затянули. Пригодной для ночлега была лишь одна спальня на втором этаже – самая светлая и теплая, с шикарным видом из панорамных окон. Но приводить туда Марго он не захотел. Эту спальню они обживали с Ингой. Там им был дорог каждый крючок в шкафу, каждый паз в паркете.

– Тогда как она могла там ночевать? – не унималась Маргарита.

– В спальном мешке. Там они есть. Ее и мой.

– А-а, тогда понятно, – протянула она. – Тогда открывай дверь. Я притащила тебе пончиков и горячий крепкий кофе.

Мысленно послав всех на свете баб к чертям собачьим, Игорь пошел открывать. Он кисло улыбнулся заботе Марго, увернулся от ее дежурного поцелуя в щеку и принял из рук промасленный пакет с жареной сдобой, которую ему категорически нельзя было не только есть, но даже нюхать. Взяв стаканчик с кофе, он сделал осторожный глоток и понес все в кухню. Кофе был дерьмовым, и к нему он тоже не притронется.

– Ты тут пока хозяйничай, а я одеваться. – Он силой усадил Марго на стул. – Завтракай, если не успела. Я уже закончил.

– А как же кофе? Пончики? – Она растерянно тронула пакет в жирных пятнах. – Я старалась.

– Прости, конечно, но я сыт.

Игорь ушел, оставив ее раздражаться в одиночестве. На-

шел чистые светлые джинсы, белую футболку без пыльных разводов, темно-синий джемпер и быстро оделся. Он снова покосился на неприбранную постель, где вторая половина осталась нетронутой, и пробормотал с легким сердцем:

– Как знаешь, дорогая. Как знаешь...

Через пять минут они на машине Марго выезжали со стоянки.

В дороге почти не разговаривали – Игорь счел за благо притвориться спящим. Марго сосредоточилась на дороге, по которой ехала впервые. Он был рад тишине и возможности подумать о предстоящей встрече. Люди, к которым они ехали, были не на самом верху, нет. Они занимали одну из ступеней лестницы, ведущей наверх. Но они так крепко и давно держались за перила, что со временем ступень, на которой они застряли, стала считаться важной, и обойти ее было нельзя.

Другими словами, без их рекомендательного слова и согласного кивка мало что делалось. За этой-то самой благосклонностью они с Марго сейчас и катили.

– Слушай, я совсем забыла тебе сказать, – нарушила она молчание, когда до нужного места оставалось с полкилометра.

Игорь вздрогнул, широко зевнул и потянулся – сделал вид, что она его разбудила.

– Да, что? – отозвался он хрипло, как всегда звучал со сна его голос.

– Эти люди, к которым мы едем, думают, что мы с тобой пара. – Марго виновато шмыгнула носом.

– А почему они так думают? – нахмурился Игорь. – Ты что же...

– Клянусь, нет! – воскликнула она горячо, не дав ему закончить. – Кто-то из их знакомых был вчера на нашем юбилее и все не так понял. А еще твоя Инга подлила масла в огонь. Приехала с твоими вещами, принялась сорить ими по ресторану, говорить какие-то нелепости. Согласись, глупо так себя вести.

– Согласись, у нее были причины так себя вести, – возмутился Игорь. Он сел прямо, не касаясь спинки сиденья, и уставился на профиль Марго. – К слову... Откуда она узнала?

– Что?

– Откуда она узнала о торжестве? Она не могла узнать или догадаться. Получается, что ей кто-то позвонил? Кто?

– Если намекаешь на меня, то мимо. – Марго подкатила к высоким резным воротам с номером «сто одиннадцать». – Можешь верить, можешь не верить, но я ни при чем. Все, выходим. Нас ждут.

Он послушно вылез из машины, нацепив на лицо самое беспечное и дружелюбное выражение, и пошел следом за своей помощницей.

Да, еще вчера утром он мог бы руку дать на отсечение, встав за Марго горой. Он верил ей безраздельно, верил в де-

ло, которое она локомотивом толкала вверх, и принимал методы, которые ею предлагались. Но после вчерашнего...

После того, как она набросилась на него с самым непристойным, запретным поцелуем на глазах у почтенной публики, доверие его, мягко говоря, пошатнулось. И самым отвратительным было то, что поцелуй этот случился за мгновение до того момента, как его жена появилась из-за колонны с двумя огромными черными пакетами, глянула на него сумасшедшими от горя глазами и задала несколько резонных вопросов.

Он бы тоже задал их Инге, случись все с точностью наоборот. Если бы не она, а он примчался с другого конца города с ее вещами, потому что – правильно! Кто-то позвонил и сообщил о супружеской измене. И не просто сообщил, а расписал в подробностях, раз у его жены хватило решимости собрать все его вещи.

И кто? Кто это мог быть, кроме Марго?

Глава 3

Он медленно жевал, перекатывая во рту сразу три подушечки ядерной жевательной резинки. От мятной свежести сводило челюсти и слезились глаза, но он упорно продолжал жевать. Через десять минут совещание в кабинете полковника. Совещаться должны были узким кругом, стойкий запах густого перегара учуют и сразу определяют источник. Никто, кроме него, не злоупотреблял спиртным.

– Майор, ты идешь?

В кабинет заглянул капитан Леша Ирхин и выразительно потянул носом:

– Бухал вчера?

Он не ответил, добивая строку в отчете.

Если что, он и вчера бухал, и позавчера, и позапозавчера. У него сейчас так тряслись руки, что он с трудом попадал на нужные кнопки на клавиатуре. Он почти забыл, впад в алкогольный ступор, что сегодня случится понедельник и нужно будет идти на службу.

– Надо завязывать, Сашок, – жалея его, проговорил Леша и вошел в кабинет, плотно закрыв дверь за собой. – Уже в коридорах шепчутся.

– О чем?

– О том, что ты в запой ушел из-за развода с женой.

Александр согласно кивнул. Пусть думают именно так,

развод с женой – это причина. А вот сплетни, из-за которых ему сделалось настолько тошно, что он запил, повод. Он и сам это понимал, но ничего не мог поделать. Навалилось все как-то вдруг и сразу.

– Может, тебе в отпуск надо, Сашок? – Капитан присел на стул, положил локти на его стол и глянул с отвратительным пониманием. – Съездишь куда-нибудь, развеешься.

– Сейчас и съезжу, – проворчал он, поставил последнюю точку в отчете, сохранил и послал на печать. – Думаешь, по какому поводу такой экстренный сходняк у полковника?

– А по какому? Я думал, подведение итогов квартала и...

– Подведение итогов! – перебил его, передразнивая, Александр. – Пожар случился в тридцати километрах отсюда. Большой пожар. Там пока пожарные завалы разгребают, но одна птичка прочирикала мне, что не все так просто.

– Ух ты! И что за птичка? Что прочирикала? – ревниво заблестели глаза капитана Ирхина.

– Без человеческих жертв там не обошлось.

– И? Мы причем? Пожар же. Угорели, сгорели и все такое, – непонимающе округлил глаза Леша. – Мы же по убийствам, Сашок. Что-то не так твоя птичка прочирикала.

– Все так, Леша. Все так, к сожалению, – тяжело вздохнул Александр. – Потому что жертвы со следами насильственной смерти. Обгорели сильно, но кого-то вроде даже можно опознать.

– Жертвы? – еще сильнее выкатил глаза Леша. – Сколько

же там их?

– Точно не могу сказать, две или три. Информация противоречивая, но нам ехать придется, сто процентов. Время еще есть для чая? – Он скосил взгляд на настенные часы над дверью. – Есть, поэтому давай чаю выпьем. Что-то подсказывает мне: следующая трапеза будет нескоро.

На его перегар полковник не обратил внимания или сделал вид, что не заметил. Коротко раздал указания и велел выехать на пожар.

– Майор, осмотри все досконально. Не нравятся мне эти погорельцы.

– Предварительно что-то известно, товарищ полковник? Саша уже стоял на пороге. За дверью в приемной его ждал Ирхин.

– Знаешь, что известно, майор? – Полковник сердито за сопел, его лицо перекосило с досады. – По соседству с этим сгоревшим домом строит себе дом кое-кто влиятельный. Известно, что он планировал все четыре дома купить на этом участке улицы, но что-то пошло не так, он ограничился сносом двух домов и начал стройку. А теперь что получается? Один дом выгорел дотла, второй пострадал при пожаре. Это я про те, которые ему не удалось выкупить. Стройка не пострадала, даже пепла на участке нет, как утверждают пожарные.

– Есть версия, что был поджог с целью завладеть землей? – спросил Родионов.

– Не знаю я ничего о рабочих версиях, – с вызовом вскинулся полковник и глянул на майора недобро. – Местные там за головы хватаются. Еще подобного кошмара, говорят, им не хватало. Мало что пожар, так еще и с жертвами! И подозреваемый непрост. Они с ним даже по телефону еще не связались. Все время натываются на его секретаря, который обещает вот-вот соединить с боссом. Все, ступай, майор. Осмотрись на месте, опроси всех в поселке. Сам! Лично! Да, и это...

Родионов уже был почти за дверью. Черт его дернул повернуть обратно!

– Слушаю, товарищ полковник.

– Заканчивай уже бухать, Родионов. От твоего перегара у всех глаза резало. Не прекратишь запои, выгоню к чертовой матери. Развод – не повод для такого падения. Понял меня?

– Так точно, товарищ полковник.

– Все, ступай. И помни: уволю...

Он молчал всю дорогу до поселка. Был зол на себя, на Машку, так некстати его бросившую, на сплетни, которые побудили его пропьянствовать с пятницы по понедельник. Это надо же! Пришло кому-то в голову назвать его продажным полицейским! Он продажный? Он?! Да от него жена сбежала из-за вечной нехватки денег! Абсурд же полный!

– Ты врешь. Такого никто не мог сказать, – ответил он Машке, которая позвонила ему в пятницу после обеда с тем, чтобы в очередной раз наговорить гадостей.

– Но сказали же!

– Прямо вот к тебе подошли и сказали: Маша, твой муж продажный полицейский. Так что ли?

Честно? Его заело. Он в жизни рубля не взял ни с одной твари. Мог, конечно, выполнить особое поручение по особой просьбе за особое вознаграждение, но это не считается.

– Так и сказали. Ты, говорит, Мария, ушла от него по причине вечной нужды, а он, говорит, с подозреваемых деньги берет, чтобы дела разваливать. Наверное, говорит, есть кого еще содержать. Потому, говорит, тебе и не доставалось ни копейки. И кто она, Родионов?

– Кто она? – Он на тот момент почти ослеп от такой клеветы.

– Твоя любовница – кто она? Та самая девочка, из-за которой ты под пули полез? Ранение получил. Это с нее ты деньги взял, чтобы избавить от суда? С нее деньги взял и на нее же потратил?

– Бред, вообще... – с брезгливой миной произнес Саша и отключил телефон.

Бредом, правда, было не все. Девчонка, из-за которой он полез под пули, на самом деле существовала. Но он с ней сто процентов не спал! Под пули лез, да. Ранение получил, и скверное. Потребовалось лечение в стационаре, стоившее немало. Это самое лечение девчонка и оплатила, потому что считала себя обязанной. Но он с ней не спал! И гадкой женщине Марии было об этом известно. Но она сочла своим дол-

гом донести до него грязные сплетни, чтобы испоганить ему настроение, а заодно и все выходные.

Она же знала, чем закончится их разговор.

– Приехали, Сашок, – хлопнул его по плечу капитан Ирхин. – Пойдем, глянем на пожарище.

Они выбрались из «дежурки» и медленно зашагали к парням, сворачивающим пожарные шланги.

– Привет, – протянул руку майору один из них – его старый знакомый Стас Воеводин. – Что-то вы припозднились. Погорельцев уже увезли местные.

– И слава богу! – фыркнул из-за плеча Родионова Ирхин. – Великая охота на сгоревших жмуrow тарашиться. Потом сниться еще будут. Страсть же, ну!

– Страсть и еще какая, – не стал спорить Воеводин и глянул на молчаливого Александра. – Вы, я так понял, в помощь местным?

– Так точно, – снова ответил за него Ирхин. – Руководство боится, что они не справятся.

Родионов со вздохом закатил глаза, когда Леша глупо захихикал, и поспешно отослал его осмотреться.

– Что тут? – спросил он, как только Леша скрылся за обуглившейся изгородью.

– Все плохо, начальник, – скроил безрадостную улыбку Воеводин. – Стройка, знаешь, кому принадлежит?

– Да. Но без подробностей.

– А я тебя ими снабжу, Саша. Я же местный. – Стас отдал

скатанный пожарный рукав помощнику и увлек Родионова в сторону. – Этот влиятельный дядя в девяностых в этих местах держал в своих руках все, и даже больше. Но делал это так грамотно, что ни разу даже свидетелем в громких уголовных делах не проходил. Не делай таких глаз. У меня свояк в органах. Я знаю не по сплетням. Потом он куда-то уехал. Болтали, что за рубежом бандитствует. Вернулся миллионером, присовокупил уже имеющиеся средства и взлетел так высоко, что никто и не ожидал.

– А чего же он здесь место для стройки выбрал? Мог бы район покруче найти.

– Мог бы. Но, во-первых, он сам отсюда. Один из снесенных им домов был домом его родни. Во-вторых, Москва совсем близко. В-третьих, разговор идет, что в следующем году наш поселок станет самым перспективным местом. Что-то планируется здесь возводить, и сотка земли станет стоить, как в центре столицы.

– Так уж прямо, – не поверил Родионов.

– Разговоры, Саша. Разговоры... Но я не об этом, а о том, что очень уж своевременно этот пожар случился. Если эксперты установят, что жертвы являлись владельцами сгоревшего дома и дома по соседству, то нашему дяде – «зеленая улица». Даже тратиться не придется. Наследников у этих двух семей нет. В заколоченном доме один племянник хозяев остался в живых, но его давно не видели. Болтали, что сидит он. Но мог ведь и вернуться, так? В сгоревшем – еще

вчера жили две сестры. Их тела были найдены или нет, не знаю. Ты понимаешь, куда я клоню?

Саша промолчал, внимательно рассматривая пожарище с оголившейся печной трубой.

– Мой свояк считает, что весь этот пожар устроил хозяин стройки.

– А это поджог? Уже установили?

– Да сто процентов поджог, – авторитетно кивнул Воеводин. – Загорелось сразу с четырех сторон, но вяло горело – ночью дождь пошел. Никто на дым не обратил внимания. Сейчас осень, многие костры жгут на огородах. К утру только запылало как надо. Нас и вызвали.

– Кто вызвал?

– Сторож стройки.

– А где же он ночью был, если только к утру опомнился и пожарных вызвал?

– Ой, сторож – одно название, – поморщился Стас. – Живет тут дед по соседству. Его наш влиятельный человек и нанял. Вот он время от времени ходит, посматривает.

– А чего же влиятельный человек приличную охрану не нанял? – Родионов смотрел в сторону стройки, обнесенной добротным металлическим забором. – Оборудование, металл, кабель... Есть что утащить-то.

– Во-от, Саша! – задрал указательный палец Воеводин. – Хороший вопрос! Главный! У него тут добра на миллион, а он старого пня охранять поставил. С чем тот мог справиться?

– Может, он и поджог? Охранник?

– Вот не знаю, Саша. Это уже по твоей части – вопросы такие задавать. Меня запросто и послать могут. Ну, бывай. – Воеводин протянул Родионову ладонь. – Мне пора. Мои уже свернулись. Думаю, ты со всем тут и без меня разберешься. Твоего опыта на бригаду хватит...

Александр проводил его тяжелым взглядом. Знал бы Стасик, какие разговоры вокруг его славного имени ведутся – подлые, грязные, – может, и не был бы так уверен в благополучном исходе дела.

Со стороны пожарища раздался громкий возмущенный вопль Леши Ирхина.

– Вообще-то мы здесь командуем! – надрывался тот, глядя сверху вниз на невысокого пожилого мужчину в старомодном плаще. – И я попросил бы...

– Что происходит? – Родионов подошел и вопросительно глянул на мужчину.

– Да вот, товарищ майор, местные пытаются палки в колеса вставлять при ведущемся нами расследовании.

Саша поморщился.

Никакого расследования пока не было, даже не начиналось. Они еще толком место преступления не осмотрели, с протоколом не ознакомились, не опросили никого. Что Лешка за человек такой, а! Все бы ему оружием побряцать.

– Майор Родионов, – показал Саша свое удостоверение хмурому мужчине.

– Подполковник Звягинцев, – представился тот, не считая нужным демонстрировать свой документ, и покосился на Лешу. – Вы бы, майор, научили манерам младшего по званию. Орет белугой. А чего орет?

– Капитан, осмотришь тут, – повторил свой приказ Саша, выразительно поиграв бровями в сторону Ирхина. – Я скоро присоединюсь.

Лешка растворился, словно его и не было. Родионов впросительно глянул на Звягинцева. Объясняться он с ним не собирался. Тот свои дела делает, Родионов свои, и это дело их общим не станет, он это совершенно точно знал. Такое уже случалось. В лучшем случае – мешать не будут. В худшем – станут сами суетиться, и скрывать важные сведения.

– Что можете сказать по данному происшествию, товарищ подполковник? Есть уже какие-то рабочие версии?

– Рабочая версия одна, майор: напились водки, переругались, передрались, как положено, уснули с сигаретами. Вот и вся версия. – Он, не мигая, смотрел на закопченную печную трубу. – Тут две сестры проживали. Вели очень неправильный образ жизни. Пили, гуляли, нигде не работали, водили сомнительные знакомства.

– Их тела были обнаружены? Уже опознаны?

То, что подполковник не являлся свояком Стаса Воеводина, Родионов понял мгновенно – у того была стопроцентная уверенность, что дом подожгли. Александру тут же захотелось с ним встретиться и переговорить. Узнать бы еще его

фамилию.

– Сколько вообще было обнаружено погибших?

– Трое, – неприятным, скрипучим голосом отозвался подполковник. – Две женщины и один мужчина.

– Они опознаны?

– Интересно кем? – со злостью фыркнул Звягинцев. – Родственников у сестер не было. Друзей сомнительных ходили толпы. Никого они с ними не знакомили, и вообще... Тела сильно обгорели. Идентификация сомнительна.

Родионов озадаченно почесал макушку. А ему другое по телефону наболтали! Да и горело, со слов Стаса, слабо.

– Мне бы хотелось взглянуть на отчеты, товарищ подполковник. Ну и на тела, соответственно. Что-то еще подозрительное было найдено?

– Что вы имеете в виду, майор? – Звягинцев как заговоренный смотрел на печную трубу. – Не было ли обнаружено в подвале подпольной лаборатории по производству наркотиков? Сразу скажу – нет. Подвал пуст, даже солений и варений нет. Пили они. Не до того им было. Дом выгорел почти полностью, поэтому обнаружить что-то подозрительное очень сложно. Но экспертам еще предстоит работа на неделю, а то и больше. Желаете, своих пришлите. Документов при себе ни у кого обнаружено не было. Поэтому повторюсь: идентифицировать погибших будет сложно. Что еще, что еще... Да, пожалуй, все. Все остальное прочтете в отчете, майор. Ну... Осматривайтесь тут. Ищите, чего мы не нашли.

Последние слова Звягинцев произнес, уже стоя к нему спиной, и Саше отчего-то показалось, что тот ехидно ухмыляется. Выяснять он не стал, пошел искать исчезнувшего Лешу Ирхина и нашел у соседней изгороди: чуть подгоревшей, местами поломанной. Леша стоял на коленях, положив на землю картонку, и раздвигал сухой бурьян.

– Что там? Еще труп? – невесело пошутил майор, подходя ближе.

– Никак нет, Сашок. Трупа нет, зато смею предположить, у нас может появиться свидетель.

– Ну да, ну да. Прямо из ямы? Чудишь, Леша, не по-детски.

– Саша, тут сто процентов кто-то был. Минувшей ночью!

– Откуда такая уверенность?

Он поводил языком во рту – сухо, скверно, полез за очередной жвачкой и посмел помечтать о стакане пива: ледяного, пенного, с лопающимися пузырьками, шибаящими в нос.

– Вот смотри... – Леша правой рукой указал на противоположный край ямы. – Там бурьян и здесь, рос он себе благополучно уже приличное время. Но... Кто-то сегодня ночью вот этот край потревожил. Что-то вырвано с корнем, что-то примято. А вот здесь, на самом краю, смотри, Саша, следы какие...

Родионов нехотя присел рядом с ним на корточках, посмотрел и неожиданно насторожился.

– Следы от женских каблуков? – усомнился он. – На краю

ямы?

– Шпильки! Следы от женских шпилек, майор! И не только на краю ямы. Вот, смотри... – Леша опасно свесился вниз и ткнул пальцем куда-то на самое дно траншеи. – Там шпильки в земле утопали и там. Тут топтались, а тут полезли наверх. Видишь? Видишь? И вот здесь отчетливо – узкий носок женского сапога, или туфли, или ботинка. Неважно! Если экспертам повозиться, может, и волокна какие-нибудь отыщутся, Сашок. Когда она сначала сползла туда, а потом назад выбиралась, наверняка одеждой цеплялась. Как считаешь?

Он пожал плечами, достал телефон и начал вызванивать экспертов.

– Пока огороди тут все.

– Кто-то прятался в этой яме, Сашок. Точно прятался! – Голос Леши вибрировал от волнения. – И точно сегодня ночью, потому что дождей до этого две недели не было.

Если кто-то и прятался, то зачем? От кого? Он сильно сомневался, что обитатели сгоревшего дома разгуливали по поселку на тонких шпильках.

– У нас свидетель, Сашок! У нас точно будет свидетель!

Карие глаза Леши горели азартом. Руки тряслись, когда он разматывал ленту, огораживая траншею с поломанным бурьяном.

– Эксперты выехали? – спросил он, завершив ограждение.

– Едут.

Родионов задумчиво рассматривал края ямы. Кто мог здесь стоять? Зачем?

— А что, если это наш поджигатель, Леша? Пряталась в бурьяне, пока народ гулял, а потом...

— Нет, Родионов, нет же! Все не так! Вот смотри. — И он снова опустился коленями на картонку. — Тут она стояла сначала, топталась, потому что каблуки в земле вязли. Потом неожиданно сползла в яму. Если бы прыгнула, след бы был другой. А тут явно пузом проехала. Потом лезла обратно. Она точно что-то увидела и испугалась.

Или ждала, когда все угомонятся, а потом...

Хотя следа от канистры нет, запаха бензина или керосина не ощущается. Да и сложно представить, чтобы дама на высоких шпильках с канистрой разгуливала. Но они ее никогда не найдут. Никогда. Дождь и пожар уничтожили все, что можно было уничтожить. Этот поселок не Москва, тут видеокамер нет. Даже по периметру забора ни одной не видно. Эту функцию спустя рукава выполнял старый мужик. Кстати, пора уже его навестить.

— Ты жди экспертов, Леша. К яме никого не допускай, особенно местных оперов. А я дойду до сторожа. Есть у меня к нему несколько вопросов. Особенных, Леша...

Глава 4

Он ненавидел ночные дежурства с тех самых пор, когда на порог сельского фельдшерского пункта подбросили умирающую девочку. Ребенку было полтора месяца от роду, может, чуть больше. Он был слабеньким и задыхался от легочной и сердечной недостаточности. У него совершенно не было шансов на спасение – так потом сказали ему патологоанатом и следователь. Ребенок был обречен. Но в тот момент, когда он – врач общей практики Устинов Гавриил Николаевич – обнаружил крохотное тельце на ледяных ступеньках крыльца, то об этом не знал и даже не догадывался. Он кинулся спасать обреченного на смерть ребенка – девочку – и провел все мыслимые и немыслимые для фельдшерского сельского пункта действия. Он бился за эту жизнь, даже когда приехавшие из города врачи сказали ему, что все бесполезно.

Ребенок – девочка – умер. Ее некому было хоронить. Она была ничейным подкидышем. Устинов взялся за это сам. Он не мог предположить, насколько это тяжело. Похоронить крохотную полуторамесячную девочку оказалось гораздо сложнее, чем биться за ее жизнь.

Если бы он имел тягу к алкоголю, то точно бы запил. Но он не любил напиваться. Пришлось ему в одиночестве давиться слезами и обещать себе, что такого никогда больше не повторится. То есть, если снова на ступеньках фельдшерского

пункта окажется подкидыш, он не станет терять драгоценное время, обзванивать коллег и полицию, а срочно примет меры. Он имеет теперь достаточный опыт, чтобы не начать паниковать и с ходу определить, безнадежен пациент или нет. Сначала помощь, а потом звонки по инструкции. Сначала помощь...

Но Бог его миловал. Прошло двадцать с лишним лет, а ничего подобного больше не случилось. Но ночные дежурства Устинов по-прежнему ненавидел и вздрагивал от каждого шороха в ночи. Пожилая медсестра Татьяна Ивановна охала и качала головой:

– И на кой вам тут, доктор, сидеть ночами? Спали бы дома в своей кровати. Кому потребуется, знают, где вас найти. Великая нужда – на больничной кушетке ночевать...

У доктора на этот счет имелись аргументированные возражения.

Во-первых, больничная кушетка отличалась от его домашней кровати только размерами и жесткостью: и там и там он спал в одиночестве. И, спрашивается, какая разница, на каком из этих лож ему уснуть? Существенной разницы не было.

Во-вторых, не все могли знать, в каком доме проживает врач общей практики Устинов Гавриил Николаевич, и не все смогли бы его найти. А если это крохотный ребенок? Как, скажите, он станет его искать? Он просто погибнет от переохлаждения или от неоказания своевременной помощи.

Он искренне надеялся, что такого больше никогда не повторится, но каждую ночь продолжал вздрагивать от странных звуков, доносящихся с улицы. И поэтому ненавидел ночные дежурства.

Старенький телевизор, служивший верой и правдой еще его предшественнику, приятным голосом красивой ведущей предложил посмотреть очередную серию странной мелодрамы, которая Устинову страшно не нравилась, но он ночь за ночью продолжал ее смотреть. Не потому, что больше смотреть было нечего: старенький телевизор отлично транслировал еще двадцать каналов. Но он настырно смотрел не нравившийся ему сериал – ему просто интересно было узнать, как далеко может зайти человеческая глупость.

Все в этом фильме вели себя неправильно, нелогично. Их обманывали, открыто, не стесняясь, а они продолжали верить. У них воровали почти на глазах, а они продолжали доверять. Все друг с другом переспали, неаккуратно меняясь партнерами. Почти на глазах у всех! И никто не разводился, все продолжали завтракать и ужинать за семейным столом. «Какое-то социальное извращение, – считал Устинов, серия за серией просматривая сериал. – Неужели все именно так сейчас в большом мире, который он покинул двадцать с лишним лет назад, поселившись в маленьком поселке?»

Единственной, кто вызывал у него хоть какое-то сочувствие, была главная героиня. Она пыталась бороться, открывать глаза людям на правду, хватать за руку воров и мздоим-

цев. Но делала это так неумело и неубедительно, что Устинов гораздо чаще на нее раздражался, нежели сочувствовал. И часто восклицал, сидя в новеньком офисном кресле перед телевизором:

– Одно слово – бабы! Что с них взять!..

Кресло ему очень нравилось. Это был подарок благодарного пациента, которого Устинову пришлось оперировать прямо здесь – в фельдшерском пункте. Операция пустяковая. Операционная у них была оборудована по последнему требованию министерства, за что Устинов его неоднократно мысленно благодарил. Опыта Гавриилу Николаевичу не занимать, и все прошло успешно. По-другому и быть не могло, но дядя так расчувствовался, что трижды пытался всунуть Устинову конверт с деньгами. Тот категорически отказался. Ему честно заработанные тратить было некуда, а тут такой бонус!

– Ну, а что я тогда могу для вас сделать? – расстроился дядька.

– Купите что-нибудь для медпункта, буду признателен...

И дядя купил ему это кресло, сестринский пункт обставил и комнату отдыха преобразил. Но Устинов туда почти не ходил и новенький телевизор не смотрел. Ему старенький нравился в его кабинете и кресло тоже. Он в нем, легонько покачиваясь, нет-нет да и задремлет.

Сегодня дремота сморила Устинова сразу, как сериал закончился. Он прикрыл глаза, мысленно прошелся еще раз по

медпункту. Входная дверь заперта. Пожарный выход он тоже проверил. Все форточки на ночь он закрывает лично, и сегодняшней вечер не стал исключением. Самое время вздремнуть, пока ему так удобно, что двигаться не хочется.

Он прикрыл глаза и сразу провалился в дремоту с легким сновидением. Это был даже не сон, а мягкий шлейф из воспоминаний дня.

Капли дождя ранним утром за окном, сочно шлепающие по опавшим яблоневым листьям. Гудение газового котла, снабжающего его уютный дом приятным теплом. Чистенький коридор медицинского пункта, который он ежедневно обходил, пытаясь обнаружить непорядок. Его никогда не обнаруживалось, все было хорошо. День за днем. День за днем...

Устинов резко дернулся. Его будто ударили! Часто дыша, он сел ровно в мягком покачивающемся кресле, прислушался. Что могло проникнуть в его дремоту – постороннее, грубое, жуткое? Ему показалось? Хоть бы уж показалось!

Он медленно встал, натянул больничные тапочки на босые ступни и сделал неуверенный шаг к окну.

То, что его разбудило, находилось именно там – за окном, он был в этом уверен. И, протягивая руку к белоснежным тканым жалюзи, почти не сомневался, что именно там увидит.

Гавриил Николаевич выглянул в окно и остолебенел. Нет, не так. Он вдруг почувствовал, что пол медленно закачался

и поплыл у него из-под ног, ему пришлось вцепиться в подоконник, чтобы не упасть. Но землетрясения не было, даже тротуар и проезжая часть не пошли глубокими трещинами. Припаркованная на противоположной стороне машина никуда не провалилась, и дома напротив медпункта стояли как обычно. Все было в порядке. У всех, кроме него!

Потому что на крыльце фельдшерского пункта, не так давно отремонтированного и оснащенного по всем современным требованиям, лежало тело. Это была женщина. Устинов отлично рассмотрел с того места, где он стоял и держался за подоконник, что это молодая женщина. Бледное лицо, темные волосы.

Его охватил такой ужас, что на какое-то мгновение он ослеп. А мысли, тут же завладевшие его мозгом, показались бредом.

Это проклятие! Временное проклятие! Словно та маленькая девочка выросла и вернулась, чтобы снова умереть на его руках! Но она не могла вернуться, он сам хоронил ее. И эта женщина...

Устинов зажмурился, тяжело задышал и резко распахнул глаза. Женщина с крыльца медпункта никуда не делась, она лежала, широко раскинув руки в стороны. Кто-то заботливо укрыл ее старым одеялом – он даже рассмотрел клочья ваты, вылезавшие из прорех. Старое одеяло, очень старое. Рваное. Откуда здесь это старое, рваное одеяло? И откуда под ним взялась женщина?

– Черт бы все побрал на этом свете! – простонал Устинов.

Он оттолкнулся от подоконника и пошел на выход. По пути глянул на часы: половина второго. Надо же, он проспал почти час! Нелюбимый навязчивый сериал заканчивался в половине первого. А сейчас...

Как он мог пропустить тот момент, когда женщину притащили и уложили на порог? Как?! Это не крохотное тельце полуторамесячной девочки, а взрослая женщина. Тяжелая. Кто и как? Кто и как?

Устинов загремел металлическим засовом, отпер и распахнул дверь. Прежде чем шагнуть к женщине, он огляделся. Все по-прежнему: тротуар, проезжая часть, машина, дома напротив. Все привычное, ничего лишнего, кроме тела молодой женщины, над которым он тут же склонился.

Под одеялом и мешковатой одеждой, явно с чужого плеча, обнаружились ранения в правом боку и много крови. Тело женщины было холодным, даже ледяным. Может, она умерла, и все его клятвы не имеют смысла? Позвонить в полицию и вызвать наряд. Подписать протокол, грустным взглядом проводить машину, увозящую тело на экспертизу, и забыть, забыть скорее о происшествии. И перестать уже ходить на эти поганые ночные дежурства, никому не нужные, приносящие одни только проблемы.

Он приложил пальцы к шее.

Она была жива! Очень слабый пульс, но он бился под подушечками его пальцев. В ней была жизнь. Она угасала, по-

кидала ее тело, но все еще в ней теплилась.

– Твою же мать, а! – простонал Устинов, подхватывая женщину на руки и внося ее в медпункт. – За что мне все это, кто скажет?! Вот за что...

Он втащил женщину в здание, толкнул дверь ногой и побежал в операционную. Вернее, ему только казалось, что он бежит. Торопился он мысленно, а на самом деле еле передвигался – женщина была достаточно тяжелой. Только уложив ее спустя несколько минут на стол, он понял, как вымотался. Каких-то десять метров, а он весь взмок. И дышать нечем, и тело трясется.

– Возьми себя в руки, Устинов, – противным скрипучим голосом приказал он. – Возьми себя в руки и сними с нее одежду. Диагностируй состояние, мать твою! А потом впадай в истерику. Может, не все так плохо... Может, не все так плохо, Гаврюша...

Это было чудом, не иначе! Острое тонкое лезвие трижды вошло в ее тело, не задев при этом ни одного жизненно важного органа. Ее точно благословили небеса, или кто-то на земле за нее исступленно молился. Как иначе объяснить, что лезвие прошло в сантиметре от правой почки, чуть ниже печени, не задело при третьем ударе желчный пузырь? Мягкие ткани пострадали при незначительной кровопотере. Ей было, конечно же, очень больно, она лишилась сознания, и это было как раз неплохо, даже хорошо. Но она точно родилась в рубашке.

Через час все было закончено. Он зашил раны, проверил еще раз пульс и давление. Аппараты фиксировали норму. Устинов выключил свет в операционной, собрал все ее вещи и вышел в коридор.

Одежда старая, размер явно не ее. Обувь нет, ноги босы, но не похоже, чтобы она долго бродила по грязной земле. Он обшарил все ее карманы – ничего: ни документов, ни клочка бумаги, ни даже чека магазинного. Кто она и откуда, оставалось только догадываться. Он взял в руки старое одеяло, повертел его так и сяк – ну, одеяло как одеяло. Старое, ветхое, без единой бирки.

– Кто же ты? – спросил Устинов, возвращаясь в операционную, где молодая женщина спала. – И что мне с тобой делать?

Первым его порывом было спасти. Вторым – позвонить в полицию. Ножевые ранения, пусть и пустяковые. Он обязан позвонить. Но...

От одежды женщины, от ее волос странно пахло дымом. А что, если она выбиралась откуда-нибудь и неосторожно наткнулась на что-то острое? На вилы, к примеру? Или попала в аварию, машина загорелась, она начала из нее вылезать и...

Так, стоп! Устинов сокрушенно покачал головой. Предположений много, истина одна. Ранения она могла получить где угодно, но кто-то ее сюда привез, на порог медпункта положил и заботливо одеяльцем прикрыл. Почему не обнаружил себя этот человек? Боялся благодарности или ответ-

ственности за то, что совершил? Может, этот спаситель и был виновником ранений?

Ладно, в любом случае утро вечера мудренее. Через пару часов он перевезет пациентку в палату, понаблюдает. А когда она проснется, задаст нужные вопросы, и от того, что она ответит, будут зависеть его дальнейшие действия. Станет он звонить в полицию или нет, решит утром. По медикаментам у него полный порядок: то, что использовал во время операции, было неучтенкой – давно списал, хотя лекарства и не просрочились. И, возможно, возможно, ему даже не придется никуда сообщать. Женщина отлежится и отправится во-свояси. А медицинской сестре Татьяне Ивановне он соврет что-нибудь. Она не дотошная, поймет как надо.

Устинов перевез ее в палату, прикатил из своего кабинета удобное кресло, поставил его рядом с кроватью ночной пациентки, уселся, пристроив ноги на пластиковом стуле для посетителей, и прикрыл глаза. Отключился он сразу и проспал часа два без сновидений. Разбудил его тихий стон.

– Как вы? – Он распахнул глаза, резко встал и наклонился над женщиной. – Как вы себя чувствуете?

– Где я? – спросила она довольно крепким голосом, хотя лицо было очень бледным. – Кто вы?

– Устинов Гавриил Николаевич – врач общей практики. Вас кто-то оставил на пороге фельдшерского пункта минувшей ночью. У вас в боку обнаружили три проникающих ранения.

– А, это. – Она криво усмехнулась. – Царапины, ерунда.

– Согласен, ничего серьезного. Но вы потеряли много крови. И...

– Как я здесь оказалась, док? – Она наморщила лоб и испуганно заморгала. – Нет версий?

– Ни единой. – Он улыбнулся, взял ее за запястье и нащупал пульс – все было в норме. – Вас оставили на крыльце и укрыли одеялом.

– Одеялом? Каким одеялом? – Морщины у нее на лбу сделались глубже.

– Старым ватным одеялом оранжевого цвета. Смею предположить, что это сатин. Кто-то заботливый вас сюда доставил.

– Одеяло! – фыркнула она и заворочалась на больничной койке. – Это точно не он!

– Кто он? – Он смотрел на нее строгим внимательным взглядом. – Тот, кто проделал дырки в вашем боку?

– Не, это я сама, по неосторожности. Несчастный случай, док. Не парьтесь. – Она болезненно поморщилась и попыталась усесться. – Надеюсь, копам не сообщили?

– Пока нет.

– И правильно. – Мгновение, и ее ноги свесились с койки. – Мне вообще пора. Залежалась я у вас.

– Так! – Устинов положил руки ей на плечи и надавил, возвращая ее на подушку. – Я здесь решаю, когда вам пора, а когда нет. Ранения не были опасными, спорить не стану, но

вы потеряли много крови. Операцию я делал почти час.

– Ого. Чего так долго? – Она прикрыла глаза и слабо дернула губами, улыбаясь. – Неопытный? Оперировать не приходилось?

– Почему же, приходилось. Ассистировать было некому, вызывать сестру ночью не стал. Решил, что сам справлюсь.

Он вдруг поймал себя на мысли, что оправдывается, и тут же пожалел, что не оповестил полицию. Дамочка вместо благодарности как-то неправильно себя ведет. Неуважительно, что ли.

– Док, вы молодец. – Ее улыбка стала шире, а глаза закрылись. – Я посплю немного. В сон меня клонит. А потом уйду. Никуда звонить не надо. Прошу вас, док! Если кто спросит про меня, скажите, что на вилы напоролась. В полицию не надо звонить. Я ничего такого не совершила, поверьте. Просто начнут наводить справки, узнают, кто я, где я. А узнают они, узнает и он...

Она отключилась. А Устинов до обеда промучился угрызениями совести: и молодую женщину ему было жалко, и долг совести глодал. Но в полицию он так и не позвонил. Что он им скажет: прооперировал незнакомку, применяя имеющиеся у него в запасе медикаменты? А откуда, доктор, у вас этот запас? Списывали не так, как требовалось? Нет, не стал он им звонить. А медсестре Татьяне Ивановне объяснил легко:

– Ой, дамочка на вилы напоролась. Бок оцарапала. При-

шлось немного подлатать. Пусть поспит пока.

– А потом? – равнодушно зевала Татьяна Ивановна.

Ей из города привезли двоих внуков, и они вытягивали из нее все силы. До ночного ли происшествия ей было?

– А потом пусть топает, откуда пришла.

– А откуда она пришла? – Глаза медсестры неожиданно загорелись интересом. – Не здешняя она, Гавриил Николаевич. Я в округе всех знаю. Это чужая.

– Вот проснется, у нее и спросите. Мне неинтересно.

Устинов снял белый халат и полез в шкаф за курткой.

– Я к вечеру приду, все оформлю как положено. Сейчас что-то рубит меня, Татьяна Ивановна. С дежурства ведь.

– Конечно, конечно, какие разговоры? – Мелко семеня, она пошла провожать его к порогу фельдшерского пункта. – Уколы-то ей никакие не ставить? Вдруг блажить начнет, обезболивающее просить.

– Я все сделал, Татьяна Ивановна. Не беспокойтесь.

Устинов глубоко натянул вязаную шапочку, тепло распрощался с медсестрой, разрешил ей вечером его не дожидаться, бежать к внукам. И пошел домой.

Дом его располагался совсем рядом с фельдшерским пунктом. До того, как сосед сделал себе пристройку в два этажа, Устинов из своих окон видел крыльцо и окна своего кабинета. Теперь же он любовался на кирпичную стену.

Он вошел в дом, разулся, снял шапку с курткой и в носках пошел по чистому полу в спальню. Маленькая, уютная,

в одно окошко – минимум мебели, максимум удобства. Не снимая покрывала, он рухнул прямо в брюках и джемпере на кровать, и почти сразу его поволокло в сон. Балансируя на грани между дремотой и реальностью, Устинов все же успел подумать: а правильно ли он сделал, не позвонив в полицию? Вопрос медсестры Татьяны Ивановны был очень важен: откуда все же явилась эта женщина и куда она уйдет?

Глава 5

– Дорогой, нам действительно пора!

Марго ловко изобразила сожаление, хотя он был уверен, что она тоже устала и ей не терпелось побыстрее уехать. Встреча с нужными людьми за городом их изрядно утомила. Хозяин напился уже через час, и все его разговоры, на важность которых они с Марго так рассчитывали, сводились к похотливым шуткам и глумливым намекам. Игорь еле сдерживался, чтобы не дать старому козлу в зубы. Ограничивался тем, что делал вид, будто ему нужно срочно ответить на очередной звонок. Марго приходилось тяжелее. Ей надо было в голос смеяться и делать круглые глаза, а еще жеманно восклицать:

– Да что вы говорите? Подумать только!..

Через два часа, хвала небесам, хозяина срубило окончательно. Он съежился в плетеном кресле под черешней и сонно засопел спустя минуту. Хозяйка даже вида не подала, будто ее что-то смущает. Она мучила Марго сплетнями из мира великих еще минут сорок. Игорю пришлось организовать еще один срочный звонок и, как следствие, необходимость срочно вернуться в город.

– Поразительные люди! – притворно возмущился он, виню вато посматривая на разочарованную хозяйку. – Выходной день, а им приспичило подписывать контракт! Именно сего-

дня, через пару часов и непременно на их территории.

Тогда Марго и отыграла сцену дикого разочарования.

– Так рано! – протянула она капризно.

– Дела, милочка, для наших мужчин прежде всего, – покровительственно похлопала ее по ладошке хозяйка дома. – А наш удел – ждать...

«Она понятия не имела, что Марго – его компаньон, – сообразил Игорь, покаянно прикладывая руку к сердцу. – Возможно, ее муж тоже. Поэтому старый козел и вел себя с Марго как с глупой накрашенной курицей».

– Что за цирк, Марго?! – возмутился он, когда они выезжали из коттеджного поселка на трассу. – К чему это все, не пойму?

– Это очень, очень, очень влиятельная семейка, поверь мне, – с выражением ответила Марго.

– Какой может быть прок от его скабрёзности, детка? Он же тебя глазами раздевал весь день!

– О, Игореша! Да ты никак ревнуешь? – Она довольно хохотнула.

– Нет, не ревную. С чего мне тебя ревновать? – удивился он в ответ.

– А тогда с чего все это: раздевал глазами... Весь день...

– С того, что выхлопа от нашего визита не будет никакого, детка. Эта деловая поездка, якобы деловая, на самом деле – пустышка. Несколько часов загубленного времени. Ты же знаешь, как я ненавижу спускать время в унитаз!

– А вчера, когда собрал толпу гостей, тоже ненавидел это?

– Ну... Вчера все было по-другому. Собралось действительно много серьезных парней. Мне удалось обговорить условия возможного сотрудничества и предварительно заключить сразу две сделки. Это... Это было нечто. Мне понравилось. Всегда удивлялся, когда мне рассказывали, как в бане, к примеру, решали важные вопросы, а вчера убедился сам. Все прошло по высшему разряду. Сюда сверни.

Он ткнул пальцем в обочину, вдоль которой стояла дюжина прилавков. Торговали цветами – последними в этом году, настоящими, из собственных садов, а не из заграничных теплиц. Высоченные гладиолусы, головастые георгины, яркие астры, хризантемы.

Марго послушно остановилась у самого первого прилавка. Игорь вышел на улицу.

Инга любила астры. Странно, но всем на свете прекрасным розам она предпочитала эти банальные цветы – белые, лиловые, розовые, желтые. Чем разноцветнее букет, тем лучше. Игорь набрал огромную охапку самых разных, замотал стебли предложенным целлофановым пакетом и пошел к машине.

– Как красиво! – Марго нетерпеливо ерзала на сиденье, протягивая руки к букету. – Это мне?

– Нет. Это Инге. – Он осторожно пристроил цветы на заднем сиденье. – Она любит астры.

– А еще она любит устраивать публичные истерики! – с

легким повизгиванием воскликнула Марго, с силой вдавливая педаль газа. – И выставять тебя на посмешище.

– Никто не смеялся, если что, – поморщился Игорь. – И ей было сложно разобраться в ситуации.

– Да?! Сложно?! А не судьба была просто позвонить тебе, просто вызвать из ресторана и задать несколько вопросов? Прояснить ситуацию прежде, чем устраивать это!

– Она звонила. Я не ответил, – вспомнил Игорь о пропущенных вызовах от жены. – Телефон куда-то подевался. Я не слышал.

– То есть ты хочешь сказать, что она большая молодец? Я правильно поняла?

Ее грудь часто вздымалась, тонкие ноздри раздувались, и Игорь, понаблюдав, неожиданно подумал, что Марго в самом деле, может быть, к нему равнодушна. Все эти разговоры о том, что ничего личного, только бизнес, могут быть просто враньем! Если разобраться, то за пять лет он ни разу не заметил ее в серьезных отношениях с кем-то. Она все время отшучивалась и утверждала, что ей некогда. Иногда ее кто-нибудь забирал из офиса на большой красивой машине, но никто ни разу не приехал дважды.

Если Марго решила разрушить его брак, чтобы поселиться с ним рядом, то она зря все это затеяла. С Ингой он разводиться не станет, и не потому, что это слишком хлопотно и затратно – Инга его во всем устраивала. Она привлекательна, заботлива. Чувство стиля потрясающее – Марго бы у нее

поучиться! Злила его временами, но не более. Опять же была верна ему, что немаловажно и в современном мире стало редкостью.

– Да, я хочу сказать, что она большая молодец, – просто, чтобы позлить Марго, проговорил Игорь. – И еще больше – она большая пострадавшая. Представляю, каково ей было! И этот твой поцелуй. Марго, зачем? Все выглядело так, будто мы свой личный юбилей отмечаем, а не юбилей нашего партнерства. Всякие слова говорились двусмысленные. Скажи честно, это твоя заслуга? Приглашая людей, ты не внесла ясности?

Она не ответила, несясь по трассе как сумасшедшая. Игорь уже пожалел, что затеял этот разговор. Расшибутся еще! А они на самом взлете. Но останавливать Марго на такой скорости он поостерегся. Это все равно что масла в огонь плеснуть. Она затормозила сама – резко, на первом светофоре при въезде в город.

– В общем, слушай... – проговорила она неприятным незнакомым голосом. – Когда я приглашала людей на юбилей нашего сотрудничества, я не вносила вообще никакой ясности. Я просто разослала приглашения, где Игорь и Маргарита приглашали на пятилетний юбилей. Все! Кто как понял, это их проблемы.

– Ну, все ясно, – поморщился Игорь. – Понять можно только так, как и было понято. И этот твой поцелуй взасос. Как еще его можно было расценить, Марго? А сегодняшняя

наша поездка... Ты с самого начала предупредила меня, что дядя думает, будто мы с тобой – пара. Почему, Марго? Почему они все так думают?

– Об этом надо спросить у них, – криво ухмыльнулась его партнерша. – Я в их головах копать не собираюсь и разубеждать тоже. По-твоему, я должна обзвонить всех, а то и с визитом наведаться и повиниться? Рассказать им, как я пять лет назад явилась в твой занюханный офис без туалета, но с кондиционером и предложила вытащить тебя из долговой ямы? Люди, Игорь Евгеньевич, думают так, как им выгодно и удобно. И будут думать, несмотря ни на что. Сколько бы я ни размахивала белым флагом, изменить уже ничего невозможно.

– Пусть так, – смиренно проговорил Игорь. – Люди думают. Но пусть так не думает моя жена, Марго! Зачем?!

– Для тебя это так важно? – поинтересовалась она ледяным голосом.

– Да, важно. Я хочу, чтобы ты позвонила ей и прояснила ситуацию.

Она снова с такой силой вдавила газ, что его прижало к спинке сиденья. Сумасшедшая!

– Я не стану ей звонить, Сомов! Не буду объясняться, извиняться и тому подобное. Твоя жена – твои проблемы. Понял?

Даже если эти проблемы возникли из-за нее. Супер! Зачет, Марго! Красава, сказать нечего. Он отвернулся и сделал

вид, что рассматривает проносящиеся за окном ярко освещенные улицы. Неожиданные заявления Марго его не расстроили – он не имел привычки распускать нервы, но они его насторожили. Сможет ли он в будущем так же всецело доверять ей, как до сего момента? Свалил на нее все юридические и финансовые вопросы и радовался, как дурачок. Последние квартальные отчеты она за него подписывала; когда он спросил, как дела, отмахнулась и сказала, что все отлично. А что там было на самом деле?

Игорь вдруг так разволновался, что едва не забыл цветы, вылезая из машины у своего дома.

– Не мне же был куплен, – пробубнила Марго, догоняя его и швыряя букет ему в руки. – Порадуй Ингу. Кажется...

Марго задрала голову к его окнам: все, выходящие на эту сторону, были ярко освещены. Инга вернулась.

– Кажется, она дома, Сомов. Одумалась и вернулась, зализав раны у одной из подружек. Уж объясни ей доходчиво, что именно она видела вчера.

Маргарита круто развернулась и быстро пошла к машине.

– А что она видела вчера, Марго? – крикнул он ей в спину.

Она не ответила, молча подергав плечами, уселась в машину и укатила, упорно не глядя в его сторону. Обиделась. Ничего, он переживет и ее обиды, и далеко идущие планы на свой счет. Главное, что он вовремя прозрел. Теперь только строгий контроль, никакого доверия и двусмысленного поведения на глазах посторонних, пусть даже и очень нужных

людей.

Он открыл дверь своим ключом, не став звонить, и, переступая порог, неожиданно перепугался. Вдруг Инга вернулась за вещами? Подумала, поняла, что не может претендовать на его квартиру, и пришла, чтобы вывезти вещи? Ее машины на стоянке нет, одно из двух: либо она в подземном паркинге, либо до сих пор возле ресторана, где Инга ее бросила.

– Итак, где чемоданы? – спросил он с вызовом, заходя в гостиную с заведенными за спину руками.

– Какие чемоданы? – Инга кротко глянула с дивана, где сидела, поджав ноги. – Твои чемоданы?

– Мои? Я не собираюсь никуда уезжать, дорогая. К тому же это моя квартира. Как-то неправильно будет, если я отсюда съеду.

Он стоял у дивана, все так же держа руки за спиной, – в одной был зажат букет, и Игорь надеялся, что Инге он был не виден. Момент вручения еще не настал. Она должна объяснить, где ночевала, извиниться за дикую сцену в ресторане, броситься ему на шею. И вот тогда...

То, что это непременно произойдет, он почти не сомневался. Инга только что выбралась из душа – волосы влажные. На ней бархатный домашний костюм песочного цвета – в него она любила облачаться после душа, когда никуда уже больше не собиралась выходить. Привычка. Не могла же она от нее отделаться всего за одну ночь!

– Значит, речь идет о моих чемоданах? – Ее голубые глаза сделались грустными. – Это я должна съехать? Правильно понимаю?

– Нет, дорогая, неправильно. Ты вообще все неправильно понимаешь. И вчера тоже. – Он стоял и не двигался, хотя пальцы, сжимавшие букет, уже затекли.

– Ну да, ну да! Это не то, что я подумала! – безрадостно фыркнула она.

– Именно, Инга: не то, что ты подумала. В ресторане отмечался пятилетний юбилей, но речь шла о деловых отношениях, Инга. – Он был очень строг, хотя давно отошел, увидев ее в домашнем бархатном костюме. – Нашему с Марго бизнесу пять лет, Инга! Бизнесу! А не нашим с ней личным отношениям.

– А поцелуй? Я же не слепая, Гоша, я видела, как она в тебя вцепилась своим ярким ртом. – Инга опустила голову и устоялась на переплетенные пальцы без перстней и обручального кольца. – Так деловые партнеры не целуются, Гоша.

– Никаких возражений, Инга. Никаких! Марго уже получила нагоняй. Переиграла, что называется. Кстати, кто тебе позвонил и вызвал в ресторан? Не сама же ты догадалась.

– Я не знаю. Номер был подавлен, и говорили глухим голосом, словно через вату. Не понять, мужчина или женщина. Сообщили о романе, о том, что и где отмечается. Вот я и...

– Глупыш. Какой же ты у меня глупыш. – Рука окончательно затекла, и он поспешил выставить букет наружу. –

Смотри. Твои любимые.

– Спасибо, – совершенно без эмоций поблагодарила она, принимая букет, и поспешно добавила: – Красивые.

Он, честно, ждал другой реакции, а тут «спасибо, красивые». А где виноватый взгляд, извинения, поцелуй? Он что, не заслужил?

Он внимательно присмотрелся к жене – какая-то она не такая. Букет тут же отложила, едва взглянув! Она раньше полчаса могла лепестки рассматривать. И на него – Игоря – почти не смотрит. Провинилась? А может...

– Что с тобой, Инга? Ты где была минувшей ночью? – Он заметил, как она вздрогнула, и подозрения накрыли его. – Ты что... Ты решила отомстить и изменила мне?! Инга, отвечай!

– Боже, Игорь, какой ты смешной, – простонала она, закрывая лицо руками. – Какая измена?

– Но ты вчера так стремительно исчезла из ресторана, не взяла машину – она до сих пор на парковке, мне звонили и просили перегнать. И я подумал, что ты вчера уехала, чтобы мне отомстить.

– Бред какой-то. – Она устало взглянула на него, и губы дрогнули. – Я вчера уехала, чтобы не отомстить, а умереть, Игорь. Я всерьез решила умереть. Но...

– Но что?

Ему вдруг сделалось так ее жалко – смешную, нелепую, несчастную, что, отодвинув собственную гордость и не дождавшись извинений, он сел к Инге на диван и притянул к

себе.

– Ты что удумала, дуреха? Из-за чего, из-за собственных фантазий? Из-за звонка какого-то «доброжелателя»? Ох и дуреха ты у меня, Инга. Умереть она хотела! – Игорь громко фыркнул и даже легонько рассмеялся, решив, что напряжение меж ними спало и можно расслабиться.

– Да, не смейся. – Она вцепилась в него, спрятав голову на груди. – Не смейся. Все очень серьезно!

– Ничего серьезного. Не нагнетай. – Он пощекотал ей шею губами. – Ты же не умерла.

– Я не умерла, но другие... Их было трое, Игорь! Сразу трое мертвых людей! Это было ужасно!

Он дернулся и отскочил.

– Что значит: трое мертвых людей?! Где?! Инга, ты в разуме?

Она заплакала, схватила букет, спрятала лицо в цветах, зашептала:

– Я в разуме, Игорь! И со мной полный порядок. Но те люди... Они умерли. Их убили! Это были две женщины и один мужчина.

Его наконец проняло. Игорь побледнел, и его даже слегка затошнило.

Инга никогда не устраивала истерик, не жеманилась, не надувала губок, даже в шутку, как Марго, к примеру... Странно, что он о ней подумал именно в этот момент – неужели все же тайно их сравнивает? Ладно, сейчас не об

этом...

Инга не была капризной выдумщицей. Если она говорила, что ей холодно, значит, ей действительно было холодно, а не просто хотелось, чтобы он ее обнял. И если она сейчас утверждает, что видела где-то много мертвых людей, точнее – троих, значит, так оно и было на самом деле.

Игорь встал, сходил на кухню за водой и носовыми платками. То и другое сунул Инге, когда вернулся. Букет он у нее забрал и швырнул на низкий столик у дивана – не до него. Дождался, когда жена выпьет воду, вытрет лицо, и тогда сказал:

– А теперь давай, дорогая, все по порядку. С самого начала...

Удивительно, но ее рассказ был стройным и гладким. Она говорила без единой запинки, будто бы заранее его придумала. Марго, кстати, так и сказала бы.

ТЬфу ты! Опять он о ней!

Так вот, Инга рассказала ему о своих злоключениях, как если бы с листа читала, и он невольно усомнился. А может, все поменялось, и после вчерашнего она решила над ним поглумиться таким вот образом?

– Ты уверена, что видела именно это?

Игорь рассматривал свою жену со странным интересом. Врет или нет? История за уши притянута. В реальной жизни с таким сложно столкнуться, особенно ей – домашней хозяйке, слабой женщине, курице. Какая-то поножовщина, поджо-

ги, убийцы, трупы! Сериалов обсмотрелась его жена, сказала бы Марго, и еще добавила бы, что один из сюжетов Инга решила разыграть в их с Игорем семейной жизни, чтобы ему неповадно было с посторонними девицами целоваться на глазах у толпы.

И он первый раз за последние пятнадцать минут подумал о Марго тепло, без раздражения.

Она, по сути, всегда оказывалась права, просчитывая на несколько шагов вперед. Потому они теперь на пике удачи, а не в полной заднице, как пять лет назад. Интересно, как онаотреагирует, если он обо всем ей расскажет?

Но Инга, словно угадав его мысли, неожиданно вцепилась в его руку и закричала:

– Не смей никому рассказывать, понял! Никому!

– Почему? – Он осторожно высвободил руку из ее крепких пальцев. – Попросили бы помощи, совета.

– У кого? У твоей девки?! – Она отчетливо скрипнула зубами. – Не смей! Это очень опасно.

– Что именно?

Игорь начал злиться на нелепость ситуации. Он до сих пор так и не разобрался, для чего она ему все это рассказала? Придумала, чтобы отвлечь от подозрений в измене? Сочинила, чтобы вызвать жалость? А если не придумала, то...

Да нет, бред. Этого не могло быть! Поселок ее тетки в тридцати километрах от Москвы. Как она туда добралась? Ладно, на такси. Но какого черта ее понесло на другую ули-

цу? Это же далеко от дома ее тетки. Он был там однажды, но отлично запомнил, как они петляли от трассы до дома.

– Как ты оказалась рядом с тем домом, который подожгли?

– Я шла к трассе.

– Зачем?

– Чтобы броситься под машину, – без запинки ответила Инга, глянув на него сумасшедшими глазами.

Вот кто-нибудь поверит в это? Игорь тяжело вздохнул.

– Что тебя остановило? Извини, конечно, за вопрос, но...

– Эта женщина, которая босая выбежала из ворот. За ней следом мужчина. Он трижды ударил ее ножом. Она упала, а я спряталась. Он потом подхватил ее на руки, оттащил к дому, полил все бензином и поджег. Или сначала поджег, а потом ее отнес... Это ужасно, Игорь! – Ее голос окончательно осип.

– А ты, вместо того чтобы бежать и звать на помощь, пошла в дом и обнаружила там мертвые тела, – закончил за нее Игорь и неуверенно мотнул головой. – Прости, дорогая, но это очень похоже на бред. Скажи честно, это такая манипуляция, да? Ты нарочно выдумала всю эту страшную историю, чтобы заставить меня бояться за тебя? Так?

И тут его милая, понимающая жена тихим, невыразительным голосом сказала:

– Ты такой идиот, Гоша. Неудивительно, что твой бизнес до появления помощницы едва не загнулся.

Он опешил. Его даже бросило в пот.

Инга... Инга так о нем думает? А все восторженные взгляды, слова любви и прочее – это притворство? Твою мать, а! Что вообще творится с этими бабами?! Одна себя навязывает, вторая полна тайн. Суки!

– Это ты идиотка, раз думаешь, что я поверю во всю эту чушь! – заорал он, вскакивая с дивана. – Какие-то убийства, поджоги!

Она вздохнула, достала из кармана бархатных брюк телефон, включила, полистала и сунула ему под нос:

– Вот, смотри. Это во всех последних новостях.

Он неуверенно взял у нее телефон и посмотрел ролик, потом еще один и еще, пройдя по другой ссылке. Все было правдой, его жена не соврала: имел место поджог, и тела были найдены. Но...

Но она запросто могла, посмотрев новости, придумать собственное присутствие там, разве нет? И теперь несет пургу, морочит ему голову. Вопрос – зачем?

– Пусть так. Но в дом ты зачем пошла?

– Я не входила в дом! – заорала она не своим голосом, вскочила, подлетела к нему и замотала у его лица крепко сжатыми кулаками. – Я просто заглянула в окно, понятно?! Оно низко, и я заглянула: а там кровь повсюду и трупы, трупы... И я...

– И что ты?

Он неожиданно успокоился, решив для себя, что она врет – давит на жалость или усыпляет его бдительность. Да как ей

будет угодно, ему плевать.

– А я теперь в опасности, дорогой, – чуть тише произнесла его выдумщица-жена. – Потому что я видела убийцу-поджигателя, как тебя сейчас. Очень хорошо рассмотрела. А он на свободе.

– И что?

Он вдруг понял, что проголодался. В гостях он почти не прикоснулся к шашлыку – побрезговал есть мясо, приготовленное руками старого похотливого козла. Жена его с порога ошарашила, но, кажется, тревожиться не стоит. В мотивах ее выдумок он разберется как-нибудь потом, а сейчас пойдет на кухню и плотно поест.

– А то, что он на свободе, Игорь! – дышала она ему в затылок, когда он шел в кухню. – И я видела его в одном из репортажей с места событий. Я их все просмотрела, на всех каналах! И увидела его там – на месте происшествия. Он стоял как ни в чем не бывало и улыбался.

– И что? – Он сунул нос в холодильник и начал хватать с полок контейнеры с едой. – Раз он улыбается, тебе какая печаль?

– Мне угрожает опасность, – выдохнула Инга, выхватила у него из рук контейнер с бифштексами, с силой швырнула его на пол и как заорала: – Ты не понимаешь, что мне угрожает опасность?!

Стиснув зубы, он переводил взгляд с несчастного лица жены на контейнер, упавший к его ногам. Ну все! Он на это

не подписывался. Выслушать – это одно, а терпеть подобные выходки...

– С какого перепуга тебе угрожает опасность? Ты его видела, он тебя нет. Нет ведь?

Она отрицательно мотнула головой.

– Ну вот. Чего тебе бояться-то?

Конечно, он четко понимал, что, став свидетелем подобного злодеяния, редко кому удастся оставаться спокойным: долгие ночные кошмары, нервозность, помощь психологов и все такое. Но! Он до сих пор не верил, что она не выдумала свою причастность. Ну не верил, и все тут.

– Мне есть чего бояться, Гоша, – слабым голосом произнесла его жена, нагнулась, подняла контейнер и сунула ему в руки. – Я там наследила.

– Мало ли чьи следы там остались.

– Я не о следах от обуви, идиот! – во второй раз обозвала его жена, повысив голос. – Я о глупом поступке, который может стоить мне жизни.

– И что же это за поступок?

Любопытство все же взяло верх над оскорбленным самолюбием. В другое время он бы месяц с ней не разговаривал за «идиота», а тут стало интересно: что еще выдумает его жена, чтобы привлечь к себе внимание или, наоборот, отвлечь его внимание от себя. Может, она, правда, накосячила минувшей ночью с каким-нибудь жигало, а теперь просто пудрит ему мозги?

– Я, Гоша, кое-кого спасла из того пожара. И теперь это спасение может стоить мне жизни!

Глава 6

Он снова ехал в поселок, где несколько дней назад сожгли дом, в котором были обнаружены тела трех человек. Погибшими оказались две женщины и один мужчина. Тела сильно обгорели, местные эксперты медлили с ответом, ссылаясь на сильную занятость, и точная причина смерти пока озвучена не была. Процедура опознания тоже затягивалась. Тот день, когда они с Ирхиным увидели на дне неглубокой траншеи следы от женских шпилек, а потом что-то похожее обнаружили и неподалеку от пожарища, был скомкан срочным вызовом на другое происшествие.

– Майор, сверни там пока свою деятельность, ты мне нужен здесь, – приказал полковник. – И Ирхина забирай.

Они покинули поселок сразу, как получили приказ. Поехали на вызов, а он оказался ложным.

– Странно как-то все, не находишь, Сашок? – спросил Ирхин, когда они уже возвращались в отдел. – Такое чувство, что нас намеренно убрали оттуда.

Может, и намеренно, а может, и нет, – задумываться над этим Родионову тогда было лень. Он обрадовался представившейся возможности подремать в дороге: самочувствие после трехдневной пьянки было так себе. Полковнику он вопросов не стал задавать, хотя капитан Ирхин и подначивал. Александр просто знал, что это не конец – ему все равно при-

дется заниматься делом погибших на пожаре людей. Особенно, если будет установлено, что их смерть была насильственной.

Как подумал, так и сбылось: пару дней ничего не происходило, они занимались с Ирхиным текущими делами, а потом полковник вызвал его к себе.

– В общем, так, майор... – начал тот сразу, когда Родионов к нему вошел. – Как я ни пытался отвертеться от этого пожара, ничего не вышло. Сегодня сверху был звонок: попросили – пока попросили – оказать всяческое содействие и все такое. Но мы-то с тобой знаем, что это содействие подразумевает. Придется брать все в свои, то есть в твои, руки.

– А почему такой резонанс, товарищ полковник? – осмелился на вопрос Родионов.

Он сегодня был гладко выбрит, от него приятно пахло, и никаких намеков на то, что он любит прикладываться к бутылке.

– А потому что некто Звягинцев... – Полковник беззвучно шевельнул губами, подавляя рвущееся ругательство. – Слышал о таком?

– Так точно, товарищ полковник. Местный. Познакомились на месте происшествия.

– Так вот, этот Звягинцев с пожара прямиком отправился к тому влиятельному гражданину, что строит по соседству дом, начал задавать неудобные вопросы и доводами подкреплять. Влиятельный гражданин осатанел от такой нагло-

сти и сразу нажаловался куда только можно: и в прокуратуру, и в службу собственной безопасности. Звягинцев теперь временно отстранен от занимаемой должности.

– На время проверки?

– Возможно. Отправили его пока в отпуск, а как там дальше будет, неизвестно. Но я к чему веду? – Полковник взял со стола факсимильный документ и зачитал: – Влиятельный гражданин Пышкин Эдуард Сергеевич просит всяческого содействия правоохранительных органов в деле с поджогом. Считает себя частично пострадавшим, так как его стройка также могла оказаться сгоревшей. Что скажешь, майор?

– Но не оказалась же, товарищ полковник. – Родионов скрыл усмешку. – СтрахуетсЯ товарищ, пытается выставить себя жертвой, чтобы подозрения отвести. Пока там были, я переговорил с местными пожарными. Очень негативно они его характеризуют, Пышкина этого. Приписывают ему в прошлом всяческие злодейские злодеяства.

– Вот именно, что приписывают, майор! Надо разобраться. – Полковник запустил по столу в его сторону документ. – На вот, ознакомься. И созвонись с Пышкиным. Контактные телефоны там указаны. Дядя готов к сотрудничеству. Звягинцев явно перестарался.

– Странно, – еле слышно произнес Александр, бегая взглядом по строчкам.

– Что странно? – уловил полковник.

– Звягинцев меня изо всех сил пытался убедить в том, что

в доме все напились и уснули, оставив непогашенными сигареты. Пожар – это несчастный случай, и люди погибли, потому что угорели спяну. Озвучил как рабочую версию, а сам тут же кинулся к Пышкину. Странно. Может, денег хотел с него, и проверки вполне обоснованны, товарищ полковник?

– Все может быть, Родионов. Но твое дело – раскрыть преступление иного толка. Звягинцевым пускай прокуратура занимается. Все, поезжай. Один! Никого в помощь не бери. Докладывай два раза за день.

Хорошо, что не каждый час! Родионов вышел из кабинета и тут же полез в карман за мобильным. Где-то у него был записан телефон Стаса Воеводина. Kontakтами обменялись очень давно, Стас мог номер и поменять, но попробовать стоило.

Вызов пошел, но Воеводин не брал трубку. Вполне мог отсыпаться после смены либо быть на происшествии. Наберет позже. Он вернулся в кабинет и засобирался.

– А ты куда, Сашок? – ревниво глянул из-за монитора Леша Ирхин.

– В Залесье. Особое поручение полковника Чернышова. – Родионов полез за курткой. – Велено разобраться на месте, что там и как.

– О как! Сначала убирают нас оттуда, а теперь разобраться надо. Что же местные? Угрюмый Пинкертон в старом плаще?

– Угрюмый Пинкертон, как ты изволишь выразаться, отправлен в срочном порядке в отпуск. Им серьезно занима-

ются прокуратура и эсбэшники.

— Оп-па! — Ирхин выкатился из-за стола в офисном кресле и вытаращился на него. — А что такое? Где он так попал?

— Подробности не знаю, Леша, — чуть приврал Родионов и также лживо пообещал: — Если что, вызову тебя на помощь.

Последнее заявление Лешу немного успокоило. Он вернулся к отчету, даже не предложив Родионову кофе. Чайник только что закипел, и кофейку он бы сейчас выпил с удовольствием — хмурый осенний день все время вызывал у него зевоту, аж в челюсти что-то защелкало. Но Леша не предложил, хотя знал, что все продовольственные запасы майора закончились еще в начале прошлой недели. Обиделся или что-то еще? Ладно, об этом он подумает как-нибудь на досуге. Сейчас надо прикинуть, как поскорее выбраться из города на шоссе.

— Навигатор тебе, Родионов, в помощь, — проговорил Саша, усаживаясь в машину.

На месте он был через полтора часа. Мог бы и раньше, но заезжал на заправку кофе выпить. Взял двойной эспрессо и диетический батончик, встал за багажником и принялся пить мелкими глотками, лениво катая в голове вопросы.

Почему Звягинцев поехал к Пышкину? Какие вопросы начал задавать? Рассчитывал на эффект неожиданного появления? Глупость же несусветная. Такой матерый в прошлом бандит, как Пышкин, всегда подготовлен и к вопросам, и к ответам. А если он устроил поджог, то и алиби обзавелся, и

отсутствия мотивов наверняка придумал.

Зачем Звягинцев поехал к нему?

– Дурак он потому что, Саша, – с хрустом зевая, сказал Стас Воеводин, ответив на звонок. – До сих пор удивляюсь, как он до подполковника дослужился. Дурачок дурачком. Надо было додуматься: к Эдику поехать!

– Он же недоступен был, насколько я помню. На звонки отвечали его помощники и...

– Илья Сергеевич Звягинцев всегда знает, где его найти, – произнес Стас со значением.

– Почему? Откуда?

– Он последние десять лет с Эдика глаз не спускает, майор. У него словно отслеживающее устройство в Эдика вшито. Спроси его: где сейчас Пышкин? Он тебе в любое время дня и ночи ответит.

– А в чем секрет?

Родионов свернул с трассы и через пару минут притормозил у пожара.

– А никакого секрета. – Воеводин с хрустом зевнул раз, наверное, в сотый. – Дочка Звягинцева имела неосторожность выйти замуж за Пышкина, а потом погибла в автомобильной катастрофе. Убитый горем отец землю рыл, пытаясь обвинить в ее гибели мужа, но безуспешно. Сама была виновата, не справилась с управлением на скользкой дороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.